

С Е К Р Е Т А Р Ю Ц.К. В.К.П.(б)

тов. С Т А Л И Н У.

Направляю первый протокол допроса арестованного
участника антисоветского военного заговора ДЫБЕНКО П.Е.,
бывшего командующего войсками Ленинградского военного
округа от 15-25 марта 1938 года.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
С о ю з а С.С.Р.

(Е Ж О В)

" 8 " апреля 1938 года

N 102723

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного ДЫБЕНКО Павла Ефимовича

от 15-25 марта 1938 года.

ДЫБЕНКО П.Е., 1899 года рождения, бывший командующий войсками ЛВО, командарм 2-го ранга, бывший член ВКП(б) с 1912 года.

ВОПРОС: - Вы арестованы как враг народа, предававший родину и Красную армию. Вы разоблачены. Следствие располагает многочисленными документальными данными, подтверждающими Вашу предательскую деятельность.

Прежде чем пред'явить Вам эти данные, мы предлагаем Вам самому рассказать всю правду о Вашем предательстве и выдать Ваших сообщников.

ОТВЕТ: - Нет, предателем я никогда не был. У меня есть ряд ошибок и даже преступлений - это верно. Я совершил ряд проступков служебного и бытового характера, у меня был ряд высказываний против Наркома Обороны, носивших об'ективно антисоветский характер. Однако, антисоветской деятельностью я никогда не занимался.

Ведь Вам известно, что я член партии с 1912 года и вел революционную работу при царизме.

ВОПРОС: - Не торопитесь, ДЫБЕНЮ, Вы думаете, что Вам удастся и впредь разыгрывать роль "старого революционера подпольщика" и скрыть свое предательство перед родиной и партией. Вам это не удастся. Если Вы не желаете сами говорить правду, мы Вас будем уличать показаниями Ваших сообщников.

ОТВЕТ: - Я повторяю, что никогда я против компартии и Советской власти не боролся. Я честный член партии и с 1912 года, все время проводил активную революционную деятельность во флоте. Я подвергался репрессиям со стороны царского правительства, во время моей революционной деятельности во флоте и отдавал свою жизнь за Советскую власть.

ВОПРОС: - О Вашей "революционной" деятельности Вы нам и расскажите. При каких обстоятельствах Вы вступили в партию?

ОТВЕТ: - Находясь на военной службе в Балтфлоте, я в 1912 году, в Кронштадте, в минном отряде, связался с большевистской организацией, через артиллерийского унтер-

офицера, старого большевика — СЛАДКОВА и с этого времени непрерывно проводил активную революционную деятельность и был настолько популярен среди революционных матросов, что с наступлением революции я был избран председателем Центробалта.

За свою революционную деятельность, повторяю, я подвергался репрессиям и дважды арестовывался, как организатор подготовлявшегося большевиками вооруженного восстания.

ВОПРОС: — Когда и за что Вы арестовывались во флоте?

ОТВЕТ: — Первый раз я был арестован в 1915 году, будучи электриком на военном корабле "Император Павел 1", за подготовку вооруженного восстания.

ВОПРОС: — При Вашем аресте, были-ли обнаружены какие либо улики о Вашей принадлежности к революционной организации во флоте?

ОТВЕТ: — Да, при обыске, во время моего ареста в 1915 году, у меня морская контрразведка обнаружила революционную литературу и некоторые записи, касающиеся подготовки революционного восстания.

ВОПРОС: - Вы были осуждены?

ОТВЕТ: - Нет, я был освобожден.

ВОПРОС: - Как же так? В военное время, Вы - военнослужащий флота - арестовывались за подготовку вооруженного восстания, у Вас морская контрразведка обнаруживает документальные улики и вместе с тем Вы освобождаетесь. Не понятно это. ДЫБЕНКО, скажите лучше правду. Вы были провокатором царской охраны?

ОТВЕТ: - Нет. Прошу мне верить, я не был провокатором царской охраны. Мне просто удалось выкрутиться из этого дела, прикинувшись простаком. Я об'яснял, что ко мне все это попало случайно, что я с революционными матросами вообще связан случайно, лишь по роду работы сталкиваясь с ними.

ВОПРОС: - Вторично за что Вы были арестованы?

ОТВЕТ: - Вторично я был арестован в 1916 году, за большевистскую подпольную деятельность и революционную агитацию среди матросов Балтфлота.

ВОПРОС: - И наверно опять были освобождены?

ОТВЕТ: - Да, совершенно верно. Меня освободили и в наказание, меня списали на военно-транспортный корабль баталером (на хозяйственную работу).

ВОПРОС: - А до этого Вы были в каком чине?

ОТВЕТ: - Я был рядовым электриком.

ВОПРОС: - А на транспортный корабль Вы были посланы баталером. Это значит, по существу, Вы получили повышение?

ОТВЕТ: - Да, в некотором смысле это было повышение.

ВОПРОС: - Чем это об'яснить, что при вторичном Вашем аресте, Вас вновь освобождают и не только не репрессиируют, но даже повышают в чине?

ОТВЕТ: - И этот случай, я об'яснить не могу.

ВОПРОС: - Когда Вы еще арестовывались?

ОТВЕТ: - В 1918 году, я был арестован жандармерией белогвардейского правительства генерала СУЛЬКЕВИЧА в Крыму, во время оккупации Крыма немцами.

ВОПРОС: - При каких обстоятельствах?

ОТВЕТ: - В 1918 году, я был послан ЦК партии на подпольную работу, сначала на Украину, а затем в Крым.

Я получил явку к члену подпольного большевистского комитета Одессы - Елене СОЮЛОВСКОЙ. Встретившись с ней в кафе на Еврейской или Польской улице в Одессе, (точно улицу я не помню) я получил от нее дальнейшую явку к руководителю Севастопольской большевистской организации - ГУЛЕВУ с документами (полотнянкой), служившими мне явкой в Севастополь.

На пароходе из Одессы я переправился в Севастополь и сойдя на пристань, тут-же был арестован белогвардейской контрразведкой.

Меня отвели в тюрьму и допрашивавший меня офицер, фамилию которого я не помню, сразу же назвал мою действительную фамилию и цель моего приезда в Крым.

Вначале я пытался возражать, однако, при обыске у меня в одежде нашли полотнянку с явкой к ГУЛЕВУ. Тогда я подтвердил, что я действительно ДЫБЕНКО. Однако, отказался давать какие бы то ни было показания.

ВОПРОС: - Вас судили?

ОТВЕТ: - Нет, я был освобожден, а затем обменен на немецких офицеров.

ВОПРОС: - Послушайте, ДЫБЕНКО, прекратите Вашу гнусную тактику заширательства, Вам не удастся обмануть следствие, Вы - старый провокатор, предатель, извольте говорить правду о Ваших предательских делах.

ОТВЕТ: - Прошу мне верить, я не был провокатором.

ВОПРОС: - Вы после освобождения остались в Севастополе?

ОТВЕТ: - Да, я остался в Севастополе и установил связь с ГУЛЕВЫМ, так как я имел поручение из ЦК обсудить с активом Севастопольской большевистской организации план работы в тылу противника.

Я предложил ГУЛЕВУ созвать актив организации, однако, сумел явиться, кроме ГУЛЕВА, только БЕКМАН (член подпольной организации в Севастополе) и вместе с ними, я на этом совещании был вновь арестован.

ВОПРОС: - И вновь освобождены?

ОТВЕТ: - Да, был освобожден, после 2-х месячного пребывания в Симферопольской тюрьме.

ВОПРОС: - Чемь об'яснить Ваше первое освобождение в Севастополе после того, как у Вас была обнаружена полотно-^сявка к ГУЛЕВУ?

ОТВЕТ: - Я долгие годы думал над этим и кроме как желанием контрразведки установить мои связи путем наблюдения за мною, я ничем не мог этого об'яснить.

ВОПРОС: - Бросьте лгать, неужели Вы не видите всей нелепости Ваших попыток скрыть свою предательскую роль в этом деле. Говорите прямо - Вы предали БЕКМАНА и ГУЛЕВА?

ОТВЕТ: - Я вижу, что дальнейшее мое заперательство действительно нелепо. Как мне ни тяжело, я решил до конца рассказать правду. Я хочу со всей честностью и искренностью, признаться следствию в моем тягчайшем преступлении перед партией - в моем предательстве.

ВОПРОС: - Бросьте ЛЫБЕНКО паясничать. Ваша "искренность" и "честность" предателя, предававшего многие годы дело революции, дело партии и рабочего класса нам совершенно понятна. Вы изобличены и извольте давать показания.

ОТВЕТ: - Прошу мне верить, что я решил говорить правду. Когда меня арестовали первый раз в Севастопольской контрразведке генерала СУЛЬКЕВИЧА, у меня была обнаружена явка к ГУЛЕВУ. Я подробно рассказал допрашивавшему меня офицеру контрразведки о том, кто я, каковы цели моего

приезда в Севастополь.

Тут же допрашивавший меня офицер заявил мне, что при согласии моем выдать большевистскую подпольную организацию в Севастополе, мне пощадят жизнь и освободят.

Я согласился с этим предложением и был освобожден со специальным поручением — выявить остальных большевиков в Севастополе, которые проживали на нелегальном положении.

ВОПРОС: — И это предательское задание контрразведки, Вы осуществили?

ОТВЕТ: — Да, эту задачу я выполнил. Я созвал на совещание ГУЛЕВА и БЕКМАНА, руководивших большевистским подпольем в Севастополе, выдал их жандармам и вместе с ними был арестован.

ВОПРОС: — Зачем Вас вторично арестовали?

ОТВЕТ: — Ведущий мое дело жандармский офицер, уже после моего вторичного ареста в Севастополе, вызвал меня к себе в кабинет и об'яснил, что мой арест вынужден необходимостью моей же зашифровки, так как в противном случае я был бы разоблачен большевиками, как провокатор.

Тут-же мне этот офицер сказал, что они намереваются

использовать меня для этой цели и в дальнейшем.

Однако, я просидел под стражей несколько месяцев. За это время я из белогвардейской контрразведки был передан в Симферопольскую тюрьму, в распоряжение германского оккупационного командования. Просидев там некоторое время, я был вызван к одному из немецких офицеров, который был осведомлен контрразведкой Севастополя, о моей предательской роли и моем сотрудничестве с контрразведкой.

Этот офицер завербовал меня для шпионской работы.

Я прошу следствие верить мне, что я сейчас решил честно и до конца правдиво рассказать об этой самой черной странице моей жизни.

ВОПРОС: - ДЫБЕНКО прекратите Ваши излияния о "честности". Не фальшивьте, расскажите подробно о всей Вашей гнусной провокаторской деятельности. Изложите обстоятельства Вашей вербовки немцами в Симферополе.

ОТВЕТ: - Как я уже сказал выше, сидя в Симферопольской тюрьме, я был вызван офицером германской разведки, назвавшимся КРЕЙЦЕНОМ, который заявил мне прямо, что если я хочу окончательно искупить свою вину, я должен буду стать секретным сотрудником германской контрразведки для освещения Красной армии. В этом случае, меня освободят и

"после разгрома большевиков", который по мнению КРЕЙЦЕНА был неизбежен, мне простится мое большевистское прошлое. Я на этот раз, без раздумья, дал свое согласие и стал, таким образом, германским шпионом.

После этого я дал подписку о своем согласии работать в пользу немцев. Затем, через генерала ГОФМАНА, главу немецкого командования на Украине и в Крыму, я был обменян на немецких офицеров и возвратился в Советскую Россию.

ВОПРОС: — Какие шпионские задания Вы получили от немецкой контрразведки, при Вашем обмене и возвращении в Советскую Россию?

ОТВЕТ: — КРЕЙЦЕН указал мне, что со мною, уже в Советской России, свяжутся представители германской разведки по паролю "Привет от КРЕЙЦЕНА" и я должен буду подробно информировать и выполнять задания, которые мне будут поручаться.

ВОПРОС: — О Вашей дальнейшей шпионской работе мы еще Вас будем допрашивать. Сейчас расскажите подробно о Вашей предательской роли в большевистской организации Балтийского флота. Говорите правду до конца.

ОТВЕТ: - Мне очень тяжело вспомнить мое темное прошлое, вспоминать свою позорную провокаторскую работу среди революционных матросов Балтийского флота. Однако, решившись говорить правду, как бы мне ни было тяжело, я расскажу все до конца и ничего не скрою.

Действительно, при моем аресте в 1915 году, в связи с тем, что у меня нашли документальные улики моего участия в подготовлявшемся восстании на судах Балтийского военного флота, мне грозил военно-полевой суд и расстрел. Это использовал офицер морской контрразведки на корабле "Император Павел 1" - старший лейтенант ЛАНГЕ, который запугал меня и пообещал освобождение, в случае, если я соглашусь выдать всех своих сообщников и затем буду продолжать "освещать", как он выразился тогда, революционную деятельность моряков военного Балтийского флота.

ВОПРОС: - Вы дали согласие?

ОТВЕТ: - Да, я дал свое согласие и был освобожден.

ВОПРОС: - А как Вы это об'яснили товарищам по революционному подполью?

ОТВЕТ: - Товарищам своим я сказал, что у меня ничего не было найдено при аресте, что я все отрицал и

меня, за отсутствием улик, освободили. Это дало мне возможность продолжать пользоваться доверием революционных моряков и сообщать о деятельности большевиков в морском флоте, контрразведке, через офицера ЛАНГЕ.

ВОПРОС: - Какая была у Вас провокаторская кличка?

ОТВЕТ: - ЛАНГЕ, при вербовке, мне заявил, что я должен подписывать свои материалы, какимнибудь вымышленным именем и дал мне кличку "Хмара".

ВОПРОС: - Кого Вы выдали из революционеров?

ОТВЕТ: - По заданию ЛАНГЕ, я освещал работу большевиков корабля "Императора Павла 1" - ХОВРИНА и МАРУСИНА.

Затем, в связи с подготовкой восстания на линкоре "Севастополь", мне старший лейтенант ЛАНГЕ, поручил связаться с большевиками этого корабля и я выдал контрразведке организаторов, подготовлявших восстание на "Севастополе" - большевиков ПОЛУХИНА и СЛАДКОВА - с броненосца "Александр II". Все они были арестованы. Вместе с ними был арестован и я.

ВОПРОС: - С какой целью Вас, провокатора, арестовали?

ОТВЕТ: - Арестовали меня, главным образом, для зашифровки моей и вместе со всеми арестованными я был списан с корабля в баталеры на транспорт "Ш" военного Балтийского флота.

В дальнейшем я систематически, при встречах со старшим лейтенантом ЛАНГЕ, сообщал ему о деятельности революционеров на кораблях, о большевистских агитаторах и о всем, что мне было известно как члену партии большевиков.

ВОПРОС: - Где Вы встречались с ЛАНГЕ?

ОТВЕТ: - Когда я работал до 1916 года электриком на корабле "Император Павел 1" я, под видом ремонта электропроводки, часто заходил в каюту старшего лейтенанта ЛАНГЕ, или он посылал меня куда нибудь на берег и мы с ним в Гельсингфорсе встречались у него на квартире, а затем, уже будучи на военном транспорте, я чаще всего встречался у него на квартире. Таким образом, я передавал ему все свои материалы, сообщая о революционной деятельности моряков на кораблях.

ВОПРОС: - Расскажите, как Вам удалось скрыться от разоблачения, как провокатора, после Февральской революции?

ОТВЕТ: - Обстоятельства сложились для меня в этом

отношении очень удачно. Все же, несмотря на это, я всю жизнь, вплоть до ареста боялся разоблачения.

В момент Февральской революции, восставшие моряки убили офицера ЛАНГЕ, вместе с другими 15-тью офицерами этого корабля. Таким образом, единственный живой свидетель моего предательства исчез.

В том же 1917 году, моряки в Гельсингфорсе, разгромили и сожгли здание, где помещалось охранное отделение, в котором чаще всего бывал с моими материалами старший лейтенант морской контрразведки ЛАНГЕ.

Таким образом, как я предполагаю, были уничтожены все документы, изобличающие меня. Среди моряков, считавших меня большевиком, я пользовался славой революционера, арестовывавшегося, преследовавшегося царским правительством и это дало мне возможность в первые же месяцы революции выдвинуться на пост председателя Центробалта, а после Октября на пост Наркома Морских Сил.

ВОПРОС: — Переходите к конкретным показаниям о Вашей дальнейшей шпионской деятельности и связи с германской разведкой.

ОТВЕТ: — После того, как я был освобожден из Симферопольской тюрьмы и уже, как агент германской разведки,

обменен и возвращен в Советскую Россию, на некоторый период моя связь с немцами оборвалась. Я имел лишь одну встречу с вербовавшим меня немецким разведчиком офицером КРЕЙЦЕНОМ. С ним я встретился на Украине, когда германская армия эвакуировалась с Украины.

ВОПРОС: — Расскажите об этой встрече.

ОТВЕТ: — Несколько немецких эшелонов в 1918 году должны были пройти через территорию, занятую частями Красной армии, которыми я командовал (группой Екатеринославского направления). Я имел задание разоружить немецкие эшелоны.

С КРЕЙЦЕНОМ, который ехал с этим эшелоном, я встретился на станции Мерефа чисто случайно. Однако он увидел меня, потребовал, чтобы я не принимал никаких мер к разоружению эшелонов и пропустил их, в противном случае, заявил мне КРЕЙЦЕН, — "факт Вашего сотрудничества с германской разведкой, станет известен Советскому правительству.

Я был вынужден согласиться с его требованиями и формально, для того, чтобы прикрыть себя, забрав небольшое количество оружия — пропустил немецкие эшелоны.

До 1921 года ни с кем из представителей германской разведки я не имел связи. Я считал, что революция в Германии и последующие там события, не дали возможности немцам восстановить связь со мною.

ВОПРОС: - В 1921 году, с кем из германских разведчиков Вы установили связь?

ОТВЕТ: - В 1921 году, когда я учился в военной академии, ко мне в гостиницу "Националь" в Москве, явился неизвестный мне человек в штатском и заявил, что он имеет поручение от КРЕЙЦЕНА установить со мною связь. На мой вопрос, что ему конкретно от меня нужно, он ответил, что ему нужны данные о кронштадтских событиях и подробные данные об укреплениях Кронштадта.

На следующий день я передал этому представителю германской разведки (фамилию его я не помню), подробную докладную записку о кронштадтских событиях, дав ему одновременно подробный анализ причин, вызвавших Кронштадтские события, намечавшийся поворот к НЭП'у и в общих чертах изложил известные мне данные о состоянии РККА.

Я дал ему, известную мне, схему всех укрепрайонов как самого Кронштадта, так и форт в районе Кронштадта.

На этом наше свидание закончилось и он ушел, заявив, что когда я понадобится, со мною свяжутся по тому же паролю - "привет от КРЕЙЦЕНА".

ВОПРОС: - Когда Вы снова связались с германской разведкой?

ОТВЕТ: - После моей встречи с представителем германской разведки в 1921 году, со мною, по неизвестным мне причинам, никто не связывался на протяжении периода до 1926 года и лишь в 1926 году я восстановил шпионскую связь, с генералом КЮЛЬМАНОМ, приехавшим в СССР.

ВОПРОС: - Расскажите об этом подробно.

ОТВЕТ: - Генерал КЮЛЬМАН - представитель Рейхсвера при "Рейнметалле", член комиссии, приехавшей из Германии по вопросу о заказах РККА на вооружение.

Я в этот период работал начальником Артиллерийского управления, а затем с осени 1926 г. начальником снабжения РККА и мне с ним приходилось иметь непосредственный и постоянный контакт.

Генерал КЮЛЬМАН, при первой же нашей встрече, когда мы остались наедине у меня в кабинете, заявил мне, что он имеет поручение, как он выразился, "от германского правительства", восстановить со мной прерванное сотрудничество.

Я сделал вид, что не понимаю о чем идет речь, однако КЮЛЬМАН напомнил мне о моей вербовке белыми в Севастополе, о связи с немецкой разведкой в Симферополе, а также о встрече с их представителем в 1921 году.

Я понял, что КЮЛЬМАН действительно осведомлен о моей шпионской роли и имеет соответствующие поручения и я сказал ему, что я готов к его услугам.

ВОПРОС: - Какие же "услуги" Вы оказали немцам?

ОТВЕТ: - Генерал КЮЛЬМАН потребовал от меня подробную информацию о всех намечающихся заказах Наркомвоенмора на вооружение, о ценах, и когда я его подробно проинформировал по этим вопросам, генерал КЮЛЬМАН предложил мне оказывать их комиссии всяческое содействие.

ВОПРОС: - Расскажите подробно, в чем заключалось это содействие?

ОТВЕТ: - Немецкая комиссия, в которую входил генерал КЮЛЬМАН привезла с собою для испытания образцы вооружения, в том числе ручной пулемет Дрейзе, автоматический пулемет, различные оптические приборы и т.п..

При испытаниях было обнаружено, что предложенное немцами оружие не совершенно и требует ряда значительных переделок и исправлений. Цены, на которых настаивали немцы, были неимоверно высоки.

Несмотря на все это, я по требованию генерала КЮЛЬМАНА, дал санкцию как нач. снабжения РККА на закупку

этого оружия.

Здесь следует еще отметить, что помимо дефектов в качестве оружия и высокой его стоимости, закупка предложенных немцами предметов вооружения, ставила РККА и на последующий период, в прямую зависимость от германской промышленности.

ВОПРОС: - Почему?

ОТВЕТ: - Дело в том, что, в частности по пулеметам, требовались специальные патроны, которые в СССР не изготавливались, это вызывало необходимость и в дальнейшем закупать патроны в Германии и зависеть таким образом от немцев.

В это же время я имел предложение советского изобретателя КОЛЕСНИКОВА, изготовившего гораздо более совершенный пулемет, чем немецкий. Опять таки по требованию КЮЛЬМАНА, реализация этого изобретения, так же как и пуск в производство в крупных масштабах советского пулемета Дегтярева, были мною заморожены.

Я уже сейчас не помню всех тех требований немцев, которые я по мере своей возможности стремился осуществить.

Помню в частности, что поскольку в это время поднимался вопрос о новой форме обмундирования для Красной армии, я по предложению КЮЛЬМАНА, выдвинул вопрос о том, чтобы взять за образец немецкую форму и сделать соответ-

ствующий заказ в Германию.

С этого времени была установлена практика широкой немецкой помощи в деле вооружения и снаряжения РККА и я стремился, выполняя требования немцев, закупать оружие и снаряжение по высоким ценам и невысокого качества.

Кроме выполнения требований КЮЛЬМАНА по закупке вооружения и информации его о тех ценах, на которые может согласиться Советское правительство, я передал ему также ряд шпионских сведений.

ВОПРОС: — Что именно?

ОТВЕТ: — Я информировал КЮЛЬМАНА полностью обо всем, что мне было известно как начальнику Управления снабжения РККА; я имел заявки по сути от всей Красной армии и таким образом знал многое о том, что делается в РККА.

Я передал КЮЛЬМАНУ подробные данные о численности, дислокации, вооружениях и боеспособности частей РККА.

В этот период немцы, как об этом говорил мне КЮЛЬМАН, интересовались состоянием РККА, с точки зрения того, насколько СССР может быть крепким союзником Германии против антантовского блока. Этой информацией я полностью удовлетворял немцев.

Более тесную связь с германской разведкой, я устано-

вил уже в 1930 году, когда я выехал на учебу в германскую военную академию.

ВОПРОС: - Вы все рассказали о своей шпионской работе в пользу немцев до Вашей поездки в Германию?

ОТВЕТ: - Нет, я не рассказал еще следствию о своих стремлениях к повышению своего значения в РККА.

ВОПРОС: - Это тоже связано с Вашей предательской работой в пользу германской разведки?

ОТВЕТ: - Да, мне через генерала КЮЛЬМАНА, с которым я был связан в Москве, немцы предложили принять все меры к тому, чтобы я повысил свое значение в РККА, с тем, чтобы этим самым я смог принести еще большую пользу Германии.

Конкретно, передо мною был поставлен вопрос о том, чтобы я добился передачи всех функций снабжения РККА в мой аппарат, лишив самостоятельности артиллерийское, химическое и прочие управления.

Он поставил передо мной также вопрос о том, чтобы я добился назначения начальника снабжения РККА (т.е. меня), на пост Зам. Наркома Военно-Морских Дел по снабжению РККА.

Это дало бы, как сказал тогда мне генерал КЮЛЬМАН, возможность знать абсолютно все, что делается в РККА и ока-

зять широкую помощь германскому генеральному штабу в его шпионской деятельности в СССР и выгодно для Германии продолжать закупки вооружения, снаряжения и других предметов для Красной армии, поставив в зависимость таким образом снабжение РККА от германской промышленности.

Такова в основном шпионская работа, которую я выполнял по заданиям немцев до 1930 года.

В конце 1928 года я был переведен командующим САВО и до поездки в Германию в 1930 году я по существу связи с германским генеральным штабом и ее разведкой, не имел.

Дальнейшее мое сотрудничество с германской разведкой и генеральным штабом шло уже по линии моей антисоветской деятельности, как участника руководства военной организации правых в РККА. Я выполнял в дальнейшем задания германской разведки в соответствии с установками руководства правых, которые целиком совпадали с моими идеологическими воззрениями.

ВОПРОС: - О каких "идеологических воззрениях", Вы говорите. Вы провокатор и шпион. В Вашем заявлении на имя Народного Комиссара Внутренних Дел, в котором Вы признались в своих правых делах, Вы также скрывали свою предательскую физиономию.

Теперь, когда с Вас окончательно сорвана маска, может быть Вы потрудитесь правдиво рассказать о том, как сформировалась организация правых в Красной армии и почему Вы связались с правыми.

ОТВЕТ: - Я действительно много раз обманывал партию и при вызове всей нашей группы правых (ЕГОРОВА, меня и БУДЕННОГО) в ЦК в 1938 году, я также скрыл всю ту борьбу с партией и советским народом, которую проводила наша правая организация в армии. Сейчас, когда я рассказал уже о своей предательской деятельности, как провокатора и шпиона, мне скрывать нечего и я буду говорить правду.

Прежде чем приступить к изложению деятельности нашей антисоветской организации правых в Красной армии, я прошу мне разрешить рассказать о мотивах, приведших меня в эту организацию и о всем, что предшествовало установлению моей связи с правыми.

ВОПРОС: - Хорошо. Рассказывайте?

ОТВЕТ: - Антисоветским человеком я был задолго до того, как примкнул к правым.

Революция 1917 года вызвала у меня страх и опасения за свою судьбу, я жил все время опасаясь, что меня разоблачат, как провокатора.

Несмотря на убийство матросами вербовавшего меня офицера ЛАНГЕ и сожжение архивов охраны в Гельсингфорсе, я не мог быть гарантирован от того, что меня кто нибудь не выдаст из лиц могущих знать о моей провокаторской работе.

Я дрожал за себя и уже по одному этому боялся и ненавидел революцию. Однако, волна революции вынесла меня на поверхность и, я считаясь "старым большевиком", был избран председателем Центробалта, а затем, после Октябрьской революции, Наркомом Морских Сил РСФСР.

Такое мое повышение заставило меня вдвойне опасаться, что я могу потерять все. У меня создалось двойственное положение, с одной стороны я достиг того, о чем я не мечтал раньше, а с другой я находился в среде, которую привык считать вражеской мне.

За сдачу Нарвы в 1918 году я был снят с поста Наркома, отдан под суд и исключен из партии.

Я прошу следствие поверить мне, что эта сдача Нарвы немцам (происходившая еще до вербовки меня германской разведкой), не была умышленной.

Снятие меня с поста Наркома Морских Сил РСФСР и посылка на подпольную работу на Украину и затем в Крым, вызвала у меня еще большее озлобление. В этом я видел крах моих карьеристских стремлений.

В значительной мере это обстоятельство, страх за свою жизнь и мое провокаторское прошлое, послужили основанием к тому, что я легко пошел на вербовку белогвардейцами в Севастополе и затем немцами в Симферополе.

ВОПРОС: - Провокаторские традиции?

ОТВЕТ: - Конечно мне уже ничего не стоило выдать большевистскую организацию Севастополя, как я выдавал до этого царской охранке большевиков - матросов.

После моего освобождения и возвращения из Крыма в Советскую Россию, я в период гражданской войны, командовал дивизией на Украине и терпел ряд поражений. Должен признать, что эти поражения явились результатом того, что я рассматривал свое участие в гражданской войне с точки зрения только личных интересов и доводил свои части до разложения, попустительствуя войскам в грабежах и насилиях над населением. В результате естественно было поражение тех частей, которыми я командовал.

ВОПРОС: - Только ли Вы разлагали части, или Вы специально создавали обстановку для поражения частей РККА по указаниям Ваших хозяев из контрразведок?

ОТВЕТ: - Видите ли, у меня и здесь было двойственное положение, - с одной стороны, терпя систематически пора-

жения, я в конечном итоге окончательно подорвал бы свой авторитет и потерял бы то положение, которое я занимал; с другой же стороны я радовался поражением РККА и своим командованием доводил части до такого состояния, что они терпели поражение.

Был случай, когда я содействовал белой армии в разгроме частей РККА — это было в июне 1919 года.

Я тогда командовал Крымской армией, которая под давлением противника начала отходить на Херсон, Никополь, Александровск.

Клементий Ефремович ВОРОШИЛОВ в это время был назначен командармом 14 и вел бои на подступах к Екатеринославу.

Я получил приказ Крымскую армию переименовать в дивизию и перейти в подчинение к ВОРОШИЛОВУ. Я отказался выполнить этот приказ, сорвал общий план обороны, открыл фронт противнику и дал возможность белогвардейцам ворваться в Екатеринослав.

Это преступление я совершил не только как антисоветский человек, но и исходя из личных враждебных отношений к ВОРОШИЛОВУ.

ВОПРОС: — Чем было вызвано это Ваше враждебное отношение к ВОРОШИЛОВУ?

ОТВЕТ: - В 1919 году я впервые встретился с ВОРОШИЛОВЫМ в Елисаветграде во время подавления григорьевского восстания.

ВОРОШИЛОВ отрицательно относился ко мне и плохо отзывался в беседе со мною о моем брате, убитом под Дебальцевым. Мой брат - старый эсер, командовал дивизией и своими же красноармейцами был убит под Дебальцевым, когда он хотел расстрелять нарушителей дисциплины.

Этот факт, а также то, что меня снизили в должности с командарма в комдивы и направили в подчинение ВОРОШИЛОВУ, вызвали у меня большое озлобление лично против него. Желая его дискредитировать, я сорвал операцию и дал возможность белым ворваться в Екатеринослав.

С этого времени я все годы до ареста, всегда с большой неприязнью и враждебностью относился к ВОРОШИЛОВУ.

Помимо тех фактов в период гражданской войны, о которых я говорил, я считал, что СТАЛИН и ВОРОШИЛОВ стали на пути к моему продвижению. Я считал, что я мог бы быть претендентом на пост Наркома, каким я уже был в 1918 году.

Я знал, что СТАЛИН еще со времен гражданской войны считал меня плохим военным и аморальным человеком и это препятствовало моему продвижению. В результате, я временно занимал руководящие посты, затем направлялся на командование тыловыми и окраинными округами.

Вся моя дальнейшая контрреволюционная работа перешла с борьбой лично против ВОРОШИЛОВА, которого я ненавидел и против СТАЛИНА, как олицетворявшего коммунистическую партию и Советскую власть.

Отсюда вытекало мое озлобление против ВОРОШИЛОВА и искание тех групп, к которым бы я мог примкнуть в своей закулисной борьбе против руководства РККА и партии.

ВОПРОС: - С какими же антисоветскими группами Вы впервые связались?

ОТВЕТ: - Прежде всего я должен здесь рассказать о тех группировках среди высшего командного состава РККА, которые начали складываться в период, когда Наркомом Военно-Морских Дел Союза СССР был М. В. ФРУНЗЕ.

Уже к моменту, когда стало ясно, что ТРОЦКИЙ будет снят с поста Наркома и выдвигалась кандидатура ФРУНЗЕ, среди высшего командного состава велись разговоры, что на пост Наркома необходимо выдвинуть кого-либо из крупных военных специалистов, в том числе назвались фамилии КАМЕНЕВА, ТУХАЧЕВСКОГО, ЕГОРОВА.

Я видел, что группа ТУХАЧЕВСКОГО, к которой примкнул УБОРЕВИЧ, ЛЕБЕДЕВ, ПЕТИН, КОРК и большая группа молодых командиров в том числе ВАХИТОВ, ВОЛЫЕ, БЕЛИЦКИЙ, ПОДГОРЕЦКИЙ и другие, имеет большой вес в армии и лично ТУХАЧЕВСКИЙ имеет

большие перспективы на продвижение. Учитывая это, я примкнул к группе ТУХАЧЕВСКОГО.

Я сблизился с ним лично, высказывал ему свое восхищение его военными талантами и прямо заявил, что лучшего Наркома, чем он я себе не представляю и буду его всеми силами поддерживать.

Однако, Народным Комиссаром Военно-Морских Сил был назначен ФРУНЗЕ. Групповая борьба среди высшего комсостава РККА продолжалась и я продолжал поддерживать связь с группой ТУХАЧЕВСКОГО.

После смерти ФРУНЗЕ встал вопрос о новом Наркоме и вновь возникла борьба между разными группировками в армии за продвижение на этот пост своих кандидатов. Я в начале поддерживал ТУХАЧЕВСКОГО, однако, затем убедился, что его кандидатура не пройдет и я начал искать близости к ВОРОШИЛОВУ.

С этого времени я с ТУХАЧЕВСКИМ окончательно разошелся. К этому же времени (1925-1926 г.г.) относится мое сближение с ЕГОРОВЫМ и БУДЕННЫМ.

ВОПРОС: - Каковы же мотивы, по которым Вы искали близости с группой ЕГОРОВА?

ОТВЕТ: - Раньше всего, поскольку я оттолкнулся от группы ТУХАЧЕВСКОГО, я, желая иметь опору в армии, искал к кому бы мне примкнуть для того, чтобы использовать этих людей, как трамплин для дальнейшего продвижения и я, в первую очередь, обратил внимание на группу ЕГОРОВА и БУДЕННОГО.

Я исходил здесь из следующих мотивов: группа ЕГОРОВА и БУДЕННОГО, несмотря на то, что ЕГОРОВ кадровый офицер царской армии, считалась "демократической" группой. Они занимали особое положение в РККА.

ВОПРОС: - Что за особое положение?

ОТВЕТ: - ЕГОРОВУ и БУДЕННОМУ удавалось все годы спекулировать на том, что они в период гражданской войны воевали со СТАЛИНЫМ и близки к нему, причем все успехи на Южном фронте они приписывали себе.

ЕГОРОВ и БУДЕННЫЙ были лично озлоблены против ВОРОШИЛОВА, считая, что он выдвинут на пост Наркома без достаточных оснований к тому.

В моих беседах с ними и ЕГОРОВ и БУДЕННЫЙ открыто высказывали свое озлобление против ВОРОШИЛОВА, пытаясь всячески дискредитировать его.

БУДЕННЫЙ, например, в 1926 году, когда я был у

него на квартире вместе с ТУХАЧЕВСКИМ, начал, как обычно, рассказывать о роли Конной армии в гражданской войне, хвастливо утверждая, что конная армия решила исход гражданской войны. Тут же он заявил, что он не давал ВОРОШИЛОВУ хода, не допускал его к решению оперативных вопросов и тем зачастую спасал положение армии. Он обвинял ВОРОШИЛОВА в том, что тот выпустил 7-ю польскую дивизию из Киева и тем самым дал возможность отступить польской армии без полного ее разгрома.

ТУХАЧЕВСКИЙ посмеивался и называл БУДЕННОГО — молодцом.

Аналогичные разговоры вел и ЕГОРОВ, который считал себя крупнейшим военным деятелем-стратегом.

Повторяю, что в армии они считались людьми близкими к СТАЛИНУ и я считал эту группу силой, а ЕГОРОВА и БУДЕННОГО людьми, которые в перспективе займут решающее положение в армии и пошел на сближение с ними.

Я вел с ними разговоры в том же духе, как в 1925-1926 году с ТУХАЧЕВСКИМ. Я настраивал БУДЕННОГО против ВОРОШИЛОВА, доказывая ему, что ВОРОШИЛОВУ незаслуженно приписываются все успехи Конной армии, что его — БУДЕННОГО, держат в черном теле, подчеркивал, что роль Инспектора кавалерии означает роль "генерала без армии".

ЕГОРОВУ я прямо заявил, что считаю его наиболее подходящим кандидатом в Наркомы, или хотя бы, на первое время, начальником штаба. Моя поддержка ЕГОРОВА и БУДЕННОГО сблизила нас и я стал участником этой группы, которая впоследствии переросла в руководство военной организации правых.

Наша дружба была наглядной для всей армии и нас даже называли в армии "триумvirат". Этот термин я стремился распространять, желая подчеркнуть свою связь с такими крупными военными.

Помимо этого, я учитывал, что ЕГОРОВ и БУДЕННЫЙ пользуются покровительством занимавших тогда руководящие посты в стране — РЫКОВА и БУБНОВА.

Таким образом, в период 1926 года, сложилась наша группа и мы начали подбирать своих сторонников в армии, в-начале под флагом групповой борьбы против ВОРОШИЛОВА. Мало того, мы использовали то недоверие, какое имелось у ряда командиров РККА к ТУХАЧЕВСКОМУ, как к аристократу "голубой крови" и стремились поднять свой вес на борьбе с ним. Были и более глубокие мотивы нашей борьбы с ТУХАЧЕВСКИМ.

ВОПРОС: — Какие?

ОТВЕТ: - Я лично после ссоры с ТУХАЧЕВСКИМ, имел таким образом, личные мотивы в борьбе с ним. Наш спор по вопросу реорганизации Наркомата усилился в 1927 году. Я уже выше показывал, что по заданиям генерала КЮЛЬМАНА, я добивался реорганизации Наркомата Военно-Морских Дел, таким образом, чтобы отнять всю самостоятельность функций снабжения у артиллерийского, химического и т.п. управлений и передать эти функции Главному управлению снабжения, начальником которого я тогда являлся.

Этот мой план, который при его осуществлении повысил бы мою роль в армии и увеличил мою возможность сотрудничать с немцами - провалился.

Известную роль в этом сыграл ТУХАЧЕВСКИЙ, который по существу, к концу 1928 года, выжил меня из Наркомата. Он использовал при этом то недоверие, которое питал ко мне ВОРОШИЛОВ.

Таковы корни моей личной неприязни к ТУХАЧЕВСКОМУ.

ЕГОРОВ и БУДЕННЫЙ видели в группе ТУХАЧЕВСКОГО ту силу, которая может помешать им добиться осуществления своих планов по захвату руководства РККА. Это не была политическая борьба двух различных группировок. Мы видели в группе ТУХАЧЕВСКОГО своих конкурентов и стремились их дискредитировать и убрать с нашего пути.

ВОПРОС: - Вы говорите, что Ваша группа, начиная с 1926 года, приступает к подбору своих кадров. Расскажите конкретно о ком идет речь?

ОТВЕТ: - Начиная с 1925-1926 года, одновременно со мной, с ЕГОРОВЫМ сближается ЛЕВАНДОВСКИЙ, командовавший Кавказской армией.

ЛЕВАНДОВСКИЙ старый эсер, кадровый офицер царской армии, человек также, как и все мы, считавший себя ущемленным в продвижении по службе, поскольку его долго не выдвигали, а затем он все годы командовал окраинными округами. Все это сблизило его с ЕГОРОВЫМ.

Вначале это сближение шло также, как и у меня на почве разговора и критики руководства РККА, а затем как рассказал мне ЕГОРОВ, он выяснил, что ЛЕВАНДОВСКИЙ старый активный эсер, целиком стоит на антисоветских позициях и проводит антисоветскую работу на Кавказе. Об этом я позже узнал и лично от ЛЕВАНДОВСКОГО.

ЛЕВАНДОВСКИЙ, не входя формально в нашу руководящую тройку, по сути дела, был самым близким человеком к руководству всей нашей последующей антисоветской работы в армии.

ВОПРОС: - Что Вам известно об антисоветской деятельности ЛЕВАНДОВСКОГО?

ОТВЕТ: - ЛЕВАНДОВСКОГО, ЕГОРОВ иногда в шутку называл "генералом ЕРМОЛОВЫМ, - наместником Кавказа".

Дело в том, что ЛЕВАНДОВСКИЙ, будучи сам уроженцем Кавказа и участвуя там в гражданской войне, с небольшим перерывом, все годы командовал Кавказским округом и там имел широчайшие связи среди националистов - грузинских, армянских, турецких, среди эсеров и т.п. антисоветского элемента.

Это была такая фигура, вокруг которой концентрировалось все антисоветское подполье в частях Кавказского округа.

Основные связи ЛЕВАНДОВСКОГО шли по линии эсеровской организации. ЛЕВАНДОВСКИЙ входил в военно-эсеровскую организацию, действовавшую в РККА еще со времени гражданской войны и по существу связь нашей группы с ЛЕВАНДОВСКИМ являлась тем мостом, через который мы осуществляли блок с эсерами.

Однако, об этом я узнал значительно позже, примерно уже в 1931 году.

ВОПРОС: - Продолжайте Ваши показания о том, как складывалась контрреволюционная организация правых в РККА?

ОТВЕТ: - Группирование недовольных среди высшего комсостава РККА начинает усиливаться и их борьба начинает все больше обостряться уже примерно к периоду 1928-1929 г.г.

Я в конце 1928 г. был направлен в Среднюю Азию командующим САВО и несколько оторвался от той борьбы, которую

вели все эти группировки.

Приездами в Москву, я встречался с ЕГОРОВЫМ и БУДЕННЫМ и знал от них, что "подполье копошится", как любил выражаться ЕГОРОВ. Я знал, что ЕГОРОВ укрепляет свою связь с правыми.

ВОПРОС: - С кем именно?

ОТВЕТ: - ЕГОРОВ продолжал поддерживать связь с РЫКОВЫМ и БУБНОВЫМ. С РЫКОВЫМ часто ему встречаться не удавалось, однако, с БУБНОВЫМ он был в близких отношениях и через него поддерживал систематическую связь со сложившимся в этот период руководством организации правых в СССР.

Будучи в Москве, я посещал ЕГОРОВА на его квартире, либо встречался с ним у БУДЕННОГО и он информировал нас о том, что РЫКОВ и БУБНОВ считают необходимым, в связи с проводимой партией сплошной коллективизацией и индустриализацией (это было уже в 1929 году) активизировать свою работу, для того, чтобы при "неизбежном крахе" политики партии выступить как организованной силе.

Во исполнение этих директив, я начал в Средней Азии устанавливать связи с правыми. Кроме того, я и сам считал программные требования правых правильными и полезными для страны.

ВОПРОС: - О какой программе Вы говорите, Вы - провокатор и агент иностранной разведки, говорите конкретно, с кем и когда из правых Вы связались в Средней Азии?

ОТВЕТ: - Я хотел только рассказать следствию о том, что я видел в программе правых путь к восстановлению таких порядков, которые бы дали мне возможность занять в будущем руководящее положение в стране и устроить свою личную жизнь так, как мне этого хотелось.

Скажу прямо, я мечтал пожить так, как живут крупные военные в буржуазных странах.

Кроме того, я считал, что кулацкие хозяйства - основа сельского хозяйства страны и разрушение кулацких хозяйств мне казалось делом вредным.

ВОПРОС: - Ваши кулацкие взгляды для нас совершенно ясны. Скажите, кстати, каково Ваше социальное происхождение?

ОТВЕТ: - Мой отец был крестьянином в Ново-Зыбковском районе, нынешней Черниговской области.

ВОПРОС: - Кулаком?

ОТВЕТ: - Он был зажиточным крестьянином.

ВОПРОС: - А мать?

ОТВЕТ: - Мать моя - дочь мелкого помещика Черниговской губернии.

ВОПРОС: - Дворянка?

ОТВЕТ: - Да, дворянка.

ВОПРОС: - Хорошо. Продолжайте Ваши показания о связях с правыми в Средней Азии.

ОТВЕТ: - Самым близким мне человеком в Средней Азии являлся Файзулла ХОДЖАЕВ, председатель Совнаркома Узбекистана. Это человек, с которым я нашел общий язык вскоре после моего приезда в САВО. Мы с ним встречались на дому, сблизились лично, а затем я выяснил, что он стоит полностью на таких же позициях, как и я. Это был человек буржуазных стремлений, человек, который для себя лично мечтал примерно о том же, что и я.

Когда мы полностью установили взаимопонимание и вели уже разговоры откровенно, как два антисоветских человека, Файзулла ХОДЖАЕВ, в одной из бесед, в начале 1930 года высказал мысль, что он считает целесообразным, в условиях Средней Азии, центр тяжести борьбы с советской властью перенести на организацию националистических элементов в Узбекистане, Туркмении и Таджикистане.

Файзулла ХОДЖАЕВ доказывал мне, что эти центробежные силы явятся крупнейшим фактором в деле подрыва мощи Советской власти, а это в свою очередь даст возможность взорвать Советскую власть изнутри и изменить существующий строй.

Он рассказал мне, что уже связан с националистическими организациями и является руководителем их в Средней Азии.

Я договорился с Файзуллой ХОДЖАЕВЫМ, что буду, как командующий САВО, способствовать подготовке националистических организаций к выступлению против Советской власти и к борьбе за отделение Среднеазиатских республик от СССР.

ВОПРОС: - Чем же Вы способствовали этим предательским замыслам?

ОТВЕТ: - В целях подготовки достаточных националистических сил, для того, чтобы оторвать Среднюю Азию от СССР и укрепить ее самостоятельность до того, пока другие внешние силы не придут на помощь, я, по договоренности с Файзуллой ХОДЖАЕВЫМ, принял все меры к тому, чтобы вооруженные силы САВО из национальных частей всячески усилить.

Я, с согласия ЕГОРОВА и при поддержке Файзуллы ХОДЖАЕВА, протестовал против вывода из Средней Азии 1У-й Туркестанской дивизии. Я добился того, чтобы узбекские и туркмен-

ские бригады переформировать в дивизии, киргизский кавдивизион переформировать в кавполк, ликвидировать, как самостоятельный, Казахский военкомат, подчинявшийся до того времени Реввоенсовету СССР, и Казахский кавполк переформировать из территориального в кадровый.

После маневров 1930 года, я составил проект реорганизации частей САВО, который был, при помощи Файзулы ХОДЖАЕВА и ЗЕЛЕНСКОГО поддержан Средазбюро.

ВОПРОС: - Этот план был проведен в жизнь?

ОТВЕТ: - Да, кадры национальных частей, политработники и командиры комплектовались мною при помощи Файзулы ХОДЖАЕВА, из националистически настроенного, байского, кулацкого элемента и это дало возможность создать в этих частях базу для разворота националистической деятельности.

ВОПРОС: - С кем из националистов Вы были связаны кроме Файзулы ХОДЖАЕВА?

ОТВЕТ: - Должен сказать, что я был крайне осторожен здесь и непосредственно ни с кем из националистов, кроме Файзулы ХОДЖАЕВА, не связывался. Моя роль в этом ограничивалась изложенными выше фактами. Остальную всю работу взял на себя Файзула ХОДЖАЕВ.

ВОПРОС: - Вы показываете, что Ваши требования о реорганизации частей САВО были поддержаны Файзулой ХОДЖАЕВЫМ и ЗЕЛЕНСКИМ. С ЗЕЛЕНСКИМ Вы тоже были связаны по контрреволюционной работе?

ОТВЕТ: - Да, с ЗЕЛЕНСКИМ, в конце 1929 года, меня связал Файзула ХОДЖАЕВ, как с правым. ЗЕЛЕНСКИЙ также, как и сам Файзула ХОДЖАЕВ, был лично связан с РЫКОВЫМ и мы втроем по сути представляли собой руководство организации правых в Средней Азии. На меня лично была возложена роль (я к тому сам стремился) - работать исключительно среди военных.

Я должен сказать, что у меня было очень сложное положение, так как, в связи с перегибами и провокационной политикой, которую вели Файзула ХОДЖАЕВ и ЗЕЛЕНСКИЙ в Средней Азии, басмаческое движение приняло широкие размеры и я, по директиве из Москвы, вынужден был вооруженной силой подавлять эти выступления.

Я советовался по этому поводу с Файзулой ХОДЖАЕВЫМ и ЗЕЛЕНСКИМ и они заявили мне, что сейчас складывается такой момент, когда мы "вынуждены бить своих", так как выступать основным кадрам сейчас нецелесообразно, ибо они все равно будут разгромлены. Из этого мы сделали вывод, что для укрепления собственного положения мне надо выполнять

директивы центра и громить басмачей.

ВОПРОС: - Расскажите подробно, что Вам известно о провокационной политике Файзуллы ХОДЖАЕВА и ЗЕЛЕНСКОГО в коллективизации Средней Азии?

ОТВЕТ: - В конце 1929 года, Файзулла ХОДЖАЕВ и ЗЕЛЕНСКИЙ, в директивах низовым работникам, требовали от них проведения коллективизации на местах немедленно. Причем, согласно их директивам, в колхозах забирали все, вплоть до домашней утвари - подушек, одеял и т.п.

Это вызвало резкий протест со стороны декхан. В январе 1930 года, в Бухаре и Ферганской долине, а также Таджикистане, Туркмении, Киргизии и Казахстане вспыхнули вооруженные восстания, состоялись тысячные демонстрации, с рядом эксцессов.

После письма Сталина о "головокружении от успехов", Средазбюро провело новую провокационную меру. Под видом необходимости увеличения посевной площади под хлопок, декханам было запрещено сеять овощи на всех поливных землях, даже непосредственно возле кибиток. Было прямое указание снести дувалы и всю эту землю засеять хлопком.

В результате этого, начался угон скота и уход населения за границу. В итоге проведенных нами мероприятий, созда-

лось критическое положение всего народного хозяйства Средне-Азиатских республик.

Перед XV1-м партийным с'ездом, в Самарканде, я вновь встретился с Файзулой ХОДЖАЕВЫМ и мы пришли к выводу, что предстоит неизбежная катастрофа всей политики партии и мы должны принять меры к ускорению этой катастрофы. Он высказал мысль, что на XV1-м партс'езде правым необходимо усилить и расширить связи с другими антисоветскими группировками.

Однако, XV1-й партс'езд, делегатом которого я являлся, где мы надеялись на открытое выступление правых, не оправдал наших надежд.

В Москве, во время XV1-го партс'езда, я имел подробный разговор с ЕГОРОВЫМ и БУДЕННЫМ о работе нашей организации в РККА.

ВОПРОС: - Расскажите подробно об этом.

ОТВЕТ: - К концу XV1-го партс'езда, я встретился с БУДЕННЫМ, который к этому времени поддерживал лично связь с ТОМСКИМ и был страшно недоволен позицией правых и резко критиковал РЫКОВА за его раскаяние.

БУДЕННЫЙ выразился следующим образом: - "Нет у них армейской стратегии и тактики, нужна атака, а не слезы лить" Я ему ответил, что "здесь армейская стратегия, пожалуй, не-

уместна, РЫКОВ прав; насколько я осведомлен, его выступление целесообразно. Он сохраняет возможность борьбы в легальных условиях и тем самым создает возможность накапливать кадры к решительному моменту".

БУДЕННЫЙ возразил мне, он заявил: "Вы, подпольщики, привыкли дискутировать, ругаться, я этой тактики не понимаю".

Я ответил ему; - "Ты пойми, Семен, вот мы тебя же будем проводить сейчас в ЦК, а каждый наш голос в ЦК, каждый наш голос на местах есть продвижение к победе. В этом сейчас главная задача".

Встречался я также и с ЕГОРОВЫМ, который рассказал мне, что он имел специальную беседу с БУБНОВЫМ, который предупредил его о позициях руководства правых и объяснил эту позицию примерно также, как я объяснил ее БУДЕННОМУ.

Тогда же я договорился с ЕГОРОВЫМ о необходимости нам, правым в РККА, начать активизировать вербовочную работу и приступить к созданию широкой подпольной антисоветской организации. Этому помешала наша поездка в 1930 году на учебу в германскую военную академию, где я и ЕГОРОВ пробыли до середины 1931 года.

ВОПРОС: - Находясь в Германии, Вы продолжали поддерживать связь с правыми в СССР?

ОТВЕТ: - Да, ЕГОРОВ один раз за тот период выезжал в Москву. Я поехал вместе с ним, так как был также вызван Наркомом, для обсуждения кандидатуры на пост начальника штаба РККА. При этой нашей поездке, ЕГОРОВ специально встретился с РЫКОВЫМ и БУБНОВЫМ и подробно проинформировал меня об установках центра правых.

ВОПРОС: - Расскажите об этих установках?

ОТВЕТ: - ЕГОРОВ в Москве рассказал мне, что он виделся порознь с РЫКОВЫМ и БУБНОВЫМ, причем с РЫКОВЫМ подробно ему говорить не удалось. Однако, в короткой беседе, РЫКОВ предложил ЕГОРОВУ использовать свое пребывание за рубежом - в Германии, для того, чтобы установить контакт с немцами и переговорить с ними о перспективах поддержки ими правых в СССР.

ЕГОРОВ заявил мне, что он был поражен этим предложением РЫКОВА и высказал это ему; РЫКОВ ответил ЕГОРОВУ, что надо быть последовательным человеком, сказавши "а", говорить "б" и не останавливаться на полпути.

РЫКОВ предложил ЕГОРОВУ специально встретиться с БУБНОВЫМ и от последнего получить подробную установку и объяснение причин необходимости связи с немцами.

ЕГОРОВ рассказал также мне, что РЫКОВ еще раз подтвер-

дил необходимость всемерной активизации работы правых, так как ситуация в стране такова, что дает основание предполагать быструю развязку событий.

ВОПРОС: - Что рассказал Вам ЕГОРОВ о своей беседе с БУБНОВЫМ?

ОТВЕТ: - ЕГОРОВ рассказал мне, что он встретился с БУБНОВЫМ на квартире последнего и БУБНОВ провел с ним длительную беседу о задачах правых.

Суть этих задач, как изложил мне со слов БУБНОВА ЕГОРОВ, заключалась в том, что правые твердо стали на путь подготовки насильственного свержения руководства партии и Советской власти, что правые считают обстановку в стране, в результате сплошной коллективизации и создавшегося продовольственного кризиса, такой, которая неизбежно приведет к стихийному выступлению населения против Советской власти.

БУБНОВ рассказал ЕГОРОВУ, что аналогичные выводы сделали также и другие "оппозиционные течения", в том числе зиновьевцы и троцкисты и что на этой базе идет подготовка совместного выступления и насильственного устранения нынешнего руководства партии и правительства. Намечается блокирование с прочими антисоветскими силами в СССР.

БУБНОВ указал ЕГОРОВУ, что Германия заинтересована в

СССР, как в союзнике, в противовес Франции и будет поддерживать правых, которые импонируют немецким правящим кругам своими политическими установками.

БУБНОВ указал ЕГОРОВУ, что в соответствии с решением центра правых он должен приступить к практическим переговорам с руководством германского рейхсвера, о формах поддержки немцами правых и о компенсации немцам со стороны правых, после прихода их к власти.

На мой вопрос ЕГОРОВУ, как же он реагировал на это предложение центра правых, он ответил, что доводы БУБНОВА убедительны, однако, он считал целесообразным посоветоваться со мной.

ВОПРОС: - В Берлине Вы были связаны с германской разведкой?

ОТВЕТ: - Да, был.

ВОПРОС: - Совет ЕГОРОВУ Вы дали утвердительный?

ОТВЕТ: - Да, конечно. Я был связан с германской разведкой, был зависим от немцев, да и по существу соглашался с правыми в том, что в борьбе против Советской власти необходимо применять любые меры. Я, конечно, постарался убедить ЕГОРОВА в том, что связь с немцами целесообразна и необходима. Впрочем долго его убеждать не пришлось, он и сам был

с этим согласен.

ВОПРОС: БУДЕННЫЙ был в курсе переговоров ЕГОРОВА с РЫКОВЫМ и БУБНОВЫМ в этот приезд из Германии?

ОТВЕТ: - По приезде в Москву, я и БУДЕННЫЙ собрались на квартире у ЕГОРОВА, который проинформировал нас подробно о своих переговорах с РЫКОВЫМ и БУБНОВЫМ - об установках правых. ЕГОРОВ изложил все то, о чем я говорю выше, утаив лишь от БУДЕННОГО установки центра правых по связям с немцами.

ВОПРОС: - Почему ЕГОРОВ скрывал от БУДЕННОГО эти установки центра правых?

ОТВЕТ: - ЕГОРОВ, как он заявил мне позже, не считал целесообразным посвящать БУДЕННОГО в наши взаимоотношения с немцами. Он говорил, что БУДЕННЫЙ не такой "тонкий" человек, чтобы понять необходимость этого. Это его может только отпугнуть от нас, для нас же достаточно то, что он с нами и ведет за собой свою группу конников, которую мы можем в нужный момент широко использовать.

ВОПРОС: - Продолжайте Ваши показания об этой Вашей встрече с ЕГОРОВЫМ и БУДЕННЫМ в Москве.

ОТВЕТ: - Мы обсуждали вопрос о реорганизации штаба РККА, превращение его в Генеральный Штаб и вместе с тем вопрос о новом начальнике Генштаба (о кандидатуре на этот пост).

Основной целью нашего приезда в Москву собственно и являлось это обсуждение кандидатуры на пост начальника штаба. Я заявил ЕГОРОВУ тогда и это поддержал БУДЕННЫЙ, что нам необходимо уже сейчас начать подготовку, чтобы обеспечить его (ЕГОРОВА) продвижение на пост начальника будущего Генштаба.

Мы считали это нужным, как для того, чтобы наша группа имела в своих руках Генеральный штаб, так и потому, что это дало бы нам перспективу в дальнейшем, при помощи ЕГОРОВА, продвигаться быстро вверх в РККА.

В тот же вечер, на квартиру ЕГОРОВА в Москве приехал ВОРОШИЛОВ, который рассказал о предстоящем снятии ШАПОШНИКОВА и заявил нам, что он желал бы знать наше мнение о кандидатуре на должность начальника Генерального штаба. Я и БУДЕННЫЙ решительно поддерживали кандидатуру ЕГОРОВА.

После от'езда ВОРОШИЛОВА с квартиры ЕГОРОВА, мы решили, что нам нужно будет ставить вопрос не только о выдвижении ЕГОРОВА, но и одновременно о продвижении БУДЕННОГО на Московский или Ленинградский округ, а меня на один из

этих же округов, либо начальником вооружения. Мною лично в этом вопросе двигали еще и другие мотивы.

ВОПРОС: - Какие мотивы?

ОТВЕТ: - Я считал, что если до сих пор мое положение во взаимоотношениях с немцами носило по существу характер связи их со мною, как с обыкновенным шпионом, то при изменении моего положения, или даже положения моих друзей, повысится моя цена в глазах немцев и это даст мне возможность выступать в переговорах с ними с более крепких позиций.

ВОПРОС: - Какие же меры Вы приняли к обеспечению Вашего плана?

ОТВЕТ: - Я и ЕГОРОВ должны были уехать из Москвы на следующий день в Берлин, поэтому мы вынуждены были ограничиться поддержкой кандидатуры ЕГОРОВА перед Наркомом, а продвижение этих вопросов через всевозможные связи было возложено на БУДЕННОГО. В результате, в начале июня 1931 года, когда мы возвратились по окончании учебы в Москву, ЕГОРОВ действительно был назначен начальником штаба РККА. Мне же и БУДЕННОМУ не удалось продвинуться, он остался инспектором кавалерии, а я возвратился в Средне-Азиатский военный округ.

После возвращения в СССР, мы начали более активно раз-

ворачивать организационную и прочую антисоветскую деятельность, выполняя указание центра правых и германского генерального штаба.

ВОПРОС: - Расскажите подробно, каким образом Вы установили связь с немцами, находясь в Берлине?

ОТВЕТ: - Германский генеральный штаб знал заранее о моем приезде на учебу в германскую военную академию, несмотря на то, что я жил в Берлине под фамилией ВОРОНОВ.

Ко мне на квартиру, вскоре по приезде в Германию, пришел сопровождавший нас германский офицер ШПАЛЬКЕ, работавший, как я выяснил позже, в германской разведке.

ШПАЛЬКЕ прямо заявил мне, что он имеет поручение от германского командования восстановить со мною, как он выразился, "деловую связь". Опасаясь провокации, я попытался разыграть возмущение, однако, ШПАЛЬКЕ перебил меня и сказал, что командование германского рейхсвера ожидает, что я буду помогать Германии еще лучше, чем я помогал до сих пор, будучи связанным с КРЕЙЦЕНОМ и генералом КЮЛЬМАНОМ.

После этого, я и ШПАЛЬКЕ конкретно разговаривали по интересующим германское командование и разведку вопросам. Таким образом я восстановил шпионскую связь с германской разведкой.

ВОПРОС: - Германской разведке было известно о результатах Вашей поездки в Москву с ЕГОРОВЫМ, для обсуждения кандидатуры на пост начальника Штаба РККА?

ОТВЕТ: - Конечно, еще накануне своей поездки в Москву я предупредил ШПАЛЬКЕ об этом и немедленно по возвращении в Берлин созвонился с ним, встретился у себя на квартире и во всех подробностях сообщил ему о моей поездке с ЕГОРОВЫМ в Москву.

ШПАЛЬКЕ предложил мне всемерно поддерживать установку центра правых, указав, что со своей стороны он примет все меры к тому, чтобы дать возможность ЕГОРОВУ осуществить его план установления связи с руководством рейхсвера.

ВОПРОС: - Какую конкретно шпионскую работу Вы выполняли, находясь в Берлине?

ОТВЕТ: - Я передал германской разведке через капитана ШПАЛЬКЕ подробные сведения о Средне-Азиатском военном округе, о политическом и экономическом положении Средней Азии.

Я составил доклад и передал его при следующей встрече лично ШПАЛЬКЕ. Последующая моя шпионская работа в пользу Германии заключалась в том, что я по поручению ШПАЛЬКЕ систематически его информировал о всех советских команди-

рах, учившихся в германской военной академии, о их настроениях, связях и т.п.

Я подробно рассказывал ему все, что мне было известно о деятельности нашей правой организации в армии и роли в ней ЕГОРОВА.

Должен заметить, что, кроме ЕГОРОВА, из учившихся в Германии советских командиров особенно интересовал немцев БЕЛОВ, последнее время командовавший БВО.

ВОПРОС: - Почему?

ОТВЕТ: - Я этого не знаю. Мне ШПАЛЬКЕ сказал, что я должен особенно тщательно наблюдать за БЕЛОВЫМ, выяснить нет ли у него каких-либо связей с иностранцами. Я это делал, стремясь сблизиться с БЕЛОВЫМ, чтобы привлечь его на нашу сторону (в организацию правых) и чтобы выполнить указание ШПАЛЬКЕ.

Никаких связей у БЕЛОВА с иностранцами мне обнаружить не удалось. Впрочем было очень трудно выполнимо наблюдать за БЕЛОВЫМ, так как этот человек исключительно скрытный и даже жил он совершенно отдельно от всех прочих учащих командиров РККА.

Я предполагал тогда, что немцы подозревают его в связи с какой-либо другой разведкой. Однако, утверждать этого не могу.

ВОПРОС: - Завербовали Вы БЕЛОВА?

ОТВЕТ: - Нет, это мне не удалось. Я опасался разговаривать с ним откровенно, так как он не шел на сближение со мной. Однако, я специально говорил с БЕЛОВЫМ в Берлине о поддержке кандидатуры ЕГОРОВА на пост начальника Штаба РККА, на что получил от него согласие.

Уже в более поздний период, примерно в 1933-34 г.г., я узнал от ЛЕВАНДОВСКОГО, что БЕЛОВ является фактическим руководителем военно-эсеровской организации в РККА и, находясь в Берлине, уже в тот период проводил активную эсеровскую работу. Со мной БЕЛОВ почему то на откровенность не пошел.

Еще позже, на Военном совете в 1935 году я встретился с БЕЛОВЫМ и прямо заявил ему, что я знаю о нем, как об эсере и что мне это известно от ЛЕВАНДОВСКОГО, с которым я также связан по совместной борьбе против руководства партии и Советской власти. БЕЛОВ отрицал свою связь с эсерами.

Тогда я, чтобы вызвать его на откровенность, сам рассказал ему, что я связан с правыми, в частности, лично с РЫКОВЫМ и лишь после этого БЕЛОВ, в свою очередь, рассказал мне, что он считает себя правым и связан с БУХАРИНЫМ.

По сути на этом и ограничилась вся моя связь с БЕЛО-

ВЫМ, так как мы работали в разных округах и возможности сблизиться с ним у меня не было.

ВОПРОС: - Вы говорите, что немцы интересовались БЕЛОВЫМ. Что Вам известно о его связях с немецкой разведкой?

ОТВЕТ: - Мне лично о связи БЕЛОВА с германской разведкой ничего неизвестно. Этот человек, повторяю чрезвычайно скрытный, очень осторожный и хитрый, всегда прикидывался простаком и оригиналом.

ВОПРОС: - А кто Вам известен из лиц, связанных с иностранными разведками?

ОТВЕТ: - Мне известно лично от ЛЕВАНДОВСКОГО, что он, в бытность свою в 1932-33 г.г. в Германии на учебе, связался с германской разведкой и выполнял для них специальные задания по Кавказу.

Кроме того, я знал со слов лично ЕГОРОВА, что он в соответствии с указанием центра правых установил связь с руководителями германской армии.

ВОПРОС: - Расскажите, каким образом установил связь с немцами ЕГОРОВ?

ОТВЕТ: - ЕГОРОВ мне вскоре после возвращения нашего

из Москвы в Германию, рассказал, что он, исходя из директив и установок РЫКОВА и БУБНОВА, решил установить связь с командованием германского рейхсвера, для чего он попросился на прием к начальнику Генштаба, как руководитель группы учащихся советских командиров.

ЕГОРОВ был принят генералом АДАМОМ (начальник генерального штаба) и, как рассказал мне ЕГОРОВ, после продолжительной беседы, он установил с генералом АДАМОМ полную договоренность о поддержке немцами антисоветской организации правых.

В конце беседы АДАМ поставил перед ЕГОРОВЫМ вопрос о выполнении руководящей группой правых в Красной армии заданий, по сути шпионского характера. ЕГОРОВ, как он мне это рассказывал, пытался выразить в беседе своей с АДАМОМ негодование тем положением, в какое пытаются его поставить немцы, по сути в положение рядового шпиона. Однако, на мой вопрос ЕГОРОВУ, договорился ли он с АДАМОМ, он ответил: - "Да, договорился".

ВОПРОС: - Расскажите подробнее, что Вам известно о беседе ЕГОРОВА с генералом АДАМОМ?

ОТВЕТ: - ЕГОРОВ мне рассказал, что генерал АДАМ начал беседу с вопроса о том, каковы будут последствия ухода

РЫКОВА с поста председателя Совнаркома и какие перспективы на то, что его сторонники победят в СССР.

ЕГОРОВ считал возможным сразу же заявить, что положение РЫКОВА, несмотря на уход с поста председателя Совнаркома, крепкое, что правые в СССР располагают огромными силами; что, кроме того, правые имеют своих сторонников в Красной армии и что он-ЕГОРОВ, БУДЕННЫЙ и Я-ДЫБЕНКО осуществляем руководство этой организации в Красной армии. Тогда АДАМ заявил ЕГОРОВУ, что он очень рад этому, что он считает позицию правых "разумной национальной политикой" и готов всячески поддерживать правых; однако, он желал бы иметь заверение со стороны ЕГОРОВА о том, что правые будут ориентироваться на Германию и докажут это еще до переворота.

На вопрос ЕГОРОВА, как-же это могут доказать правые, АДАМ прямо поставил вопрос о необходимости снабжения немцев подробными материалами по РККА и необходимости поддержки германской ориентации СССР в будущем.

Вот этот момент прямого предложения АДАМА ЕГОРОВУ стать шпионом и возмутил ЕГОРОВА. Впрочем, как понял ЕГОРОВА, он был возмущен не тем, что необходимо передавать шпионские сведения о СССР, а тем, что его роль во взаимоотношении с немцами тем самым будет снижаться.

ВОПРОС: - Что Вам известно о каналах связи ЕГОРОВА

с немцами, после возвращения из Германии?

ОТВЕТ: - Мне известно, что после возвращения в СССР ЕГОРОВ продолжал связь с немцами через генерала КЕСТРИНГА - военного атташе при германском посольстве в СССР и, кажется, через каких-то других лиц, которых присылал германский генеральный штаб к ЕГОРОВУ.

Со слов ЕГОРОВА я знал, что связь его с немцами продолжалась все годы до последнего времени.

Во время наших встреч в Москве, он рассказал мне, что немцы, в особенности после гитлеровского переворота, требуют еще большей активизации нашей антисоветской работы, требуют осуществления вредительских и диверсионных актов, а также требуют подготовки пораженческих планов в будущей войне СССР с Германией.

Все эти задания немцев он выполнял также точно, как и я их выполнял по тем округам, которыми я командовал: вначале в Средней Азии, затем в ПРИВО и в 1937 году в ЛВО.

Кроме того, мне известно от ЕГОРОВА, что, помимо связи с немцами, ЕГОРОВ также был связан с польским генеральным штабом.

ВОПРОС: - Расскажите об этом подробно.

ОТВЕТ: - В 1935 году, у ЕГОРОВА на квартире он сообщил мне, что им установлена связь с польским генеральным штабом, в частности с генералом СТАХЕВИЧЕМ - начальником польского генерального штаба, и что, будучи в 1934 году за границей, он имел возможность лично с ним видаться в Варшаве и договориться о поддержке поляками планов и замыслов нашей правой организации в РККА.

ВОПРОС: - Расскажите о пораженческих планах Вашей антисоветской организации правых в РККА.

ОТВЕТ: - По сути вся наша антисоветская деятельность сводилась к тому, чтобы обеспечить поражение РККА в будущей войне с Германией и Польшей.

Помимо той работы, которую мы проводили в мирное время, ЕГОРОВЫМ, в частности через связанных с ним людей в генеральном штабе, были внесены пораженческие элементы в оперативных отработках плана войны.

ВОПРОС: - Расскажите, что Вам известно конкретно об этом плане?

ОТВЕТ: - Мне известно от ЕГОРОВА следующее: по оперативному плану войны западно-европейский театр делится на три фронта: Ленинградский-Северный, Белорусский и Украинский

Северный фронт растянут на огромном пространстве. Состав фронта - 18-20 дивизий, из которых 4 дивизии в районе Мурманск-Петрозаводск, 8 дивизий - Карельский перешеек и 6 дивизий - псковское направление, совершенно не имеют подготовленного театра военных действий. На данном фронте в оперплане не предусматривается ударная группировка.

Белорусский округ, в который входит 4-5 армий и Украинский, с таким же количеством армий, по плану войны не увязываются во взаимодействиях фронтов, из-за неверного принципа - почти равенства сил каждого из них.

ЕГОРОВ мне сказал, что это он "теоретически" обосновывал тем, что, при поражении Белорусского фронта, на помощь ему через Полоцк выделится одна из армий ЛВО.

Однако, тем же самым совершенно опускается псковско-лужское направление. На этом же направлении, господствующие над всем районом Биневские и Безымянные высоты, в мирное время не обеспечиваются частями РККА.

В результате, в этом районе, в случае занятия противником Биневских высот, совершенно обесценивается роль Псковского укрепрайона.

ВОПРОС: - Чем внешне прикрывал-об'яснял ЕГОРОВ эти пораженческие мероприятия в оперативном плане войны?

ОТВЕТ: - ЕГОРОВ стремился доказать командованию РККА и правительству СССР, что Балтийские страны будут соблюдать нейтралитет, причем нейтралитет благожелательный к СССР. Практически же, как он мне сам об этом говорил в 1937 году, после посещения им прибалтийских стран, это лишено всякого основания.

Он говорил, что, как он согласовал с германским генеральным штабом, немцы направят свой основной удар на Прибалтику и захватят прибалтийские страны, формально нарушая их нейтралитет, а по сути имея соответствующую договоренность с генеральными штабами Латвии и Эстонии.

Вслед за этим, немецкая армия осуществляет удар через себежско-псковское направление на Лугу-Дно, выходя во фланг и тыл Белорусскому фронту.

Аналогичная картина должна была произойти и на Белорусском фронте. Псковский и Минский укрепленные районы построены таким образом, что и без их обхода они не гарантируют задержку противника. Кроме того, между фронтами остаются незащищенные прорывы; Псков-Себеж - направление на Лугу, слутцкое направление без укрепрайонов, затем мозырское направление, по сути - "открытые ворота" между Белорусским и Украинским фронтами.

Примерно такое же положение и на Украинском фронте,

где в районе Летичева имеется окно между укрепленными районами — знаменитые "ворота Пилсудского".

Однако, основной удар, говорил мне ЕГОРОВ, как он понял это из переговоров с немцами, будет на Прибалтику в обход Минского укрепленного района; затем путем прорыва немцы вклинятся на случко-мозырском направлении между Украинским и Белорусским фронтами.

Действуя на раз'единение фронтов, немецкие армии обойдут слева Минский укрепленный район и с правого фланга — Украинский укрепленный район, заходя в тыл обоим фронтам.

Для обеспечения успеха наступления немцев, поражен — ческим планом, составленным ЕГОРОВЫМ, предполагалось в начале войны выбросить на территорию Польши, под удар противника, наиболее подвижные конные и механизированные части РККА, в виде группы вторжения мелкими частями, что неизбежно привело бы эти части к уничтожению.

ЕГОРОВ говорил мне, что при этом плане предполагалось, что армии украинской группировки наступают на юго-запад и захватят Львов. Это служило основанием для ЕГОРОВА доказывать руководству РККА, что таким образом немцы не смогут, якобы, наступить на Прибалтику, имея такую угрозу с фланга. Практически же, говорил мне ЕГОРОВ, немцы легко отдадут часть территории Польши, тем более, что после захода немец-

ких армий в прорыв в тылы Белорусского и Украинского фронтов, части РККА без боя отойдут назад от Львова.

Таков схематически пораженческий план, выработанный ЕГОРОВЫМ. Этот план был доведен им до сведения тех командиров - участников нашей организации, которые в будущей войне должны были играть решающую роль, в частности об этом знали я, ГРИБОВ, КАШИРИН, ВЕЛИКАНОВ. Знал об этом от меня также комкор ЕФРЕМОВ.

Поставил нас в известность ЕГОРОВ об этом плане для того, чтобы мы учли, что, в случае войны, нам надо будет осуществить этот пораженческий план. Помимо этого, мы должны были во время войны создавать условия для победы немцев, путем выполнения вредительских указаний главного командования таким образом, чтобы обеспечить поражение Красной армии.

Вся эта работа по подготовке поражения РККА обеспечивалась той большой вредительской и диверсионной работой, которую проводили все мы - участники антисоветского военного подполья на местах.

ВОПРОС: - Расскажите о Вашей личной шпионской работе.

ОТВЕТ: - В 1931 году, по возвращении из Германии в

СССР, я был вновь направлен в САВО и там непосредственной связи с немцами не имел.

В 1932 году я был в Москве у ЕГОРОВА и узнал от него, что он продолжает поддерживать связь с немцами. По его требованию, я при этой встрече подробно информировал его о состоянии САВО, о басмаческом движении в Средней Азии и о той работе, которую проводили там я, Файзулла ХОДЖАЕВ и ЗЕЛЕНСКИЙ. ЕГОРОВ указал, что ему эта информация нужна для передачи немцам.

ВОПРОС: - Где и каким образом Вы вновь лично связались с германской разведкой?

ОТВЕТ: - В Москве, на квартире моей бывшей жены КУЗНЕЦОВОЙ проживал работник немецкой секции ИККИ - Рудольф ГРАУБМАН. С ним я был знаком, так как иногда посещал свою бывшую жену.

Весной 1934 года, когда я уже командовал ПРИВО, ГРАУБМАН позвонил мне на квартиру в Куйбышеве и я принял его у себя.

ГРАУБМАН заявил, что он прибыл ко мне по поручению ШПАЛЬКЕ и что он является представителем германской разведки.

Вслед за этим ГРАУБМАН потребовал от меня подробные шпионские материалы о состоянии войск ПРИВО и предложил развернуть вредительскую и диверсионную деятельность, а также активизировать вербовочную работу в частях ПРИВО.

Одновременно он сказал, что по указанию из Берлина мне необходимо связаться с их агентом, помощником начальника политотдела 12-го корпуса ПЛАУ и через него осуществить связь с немецкой фашистской организацией, существовавшей в немецкой дивизии и в республике Немцев-Поволжья.

В заключение ГРАУБМАН предложил мне дать ему подробную информацию о деятельности организации правых и лично ЕГОРОВА и поручил мне, в частности, наблюдать за последним, сообщая германской разведке (через него - ГРАУБМАНА) о всей деятельности и связях ЕГОРОВА.

Я заявил, что указание германской разведки буду выполнять и на следующий день передал требуемые материалы по ПРИВО.

ВОПРОС: - Что именно Вы ему передали?

ОТВЕТ: - Я сообщил ему о дислокации частей ПРИВО, о мобпланах, боеспособности и вооружениях, дал оценку политико-морального состояния войск и сообщил также ГРАУБМАНУ об отправке в ОКДВА 3-х дивизий из ПРИВО.

ВОПРОС: - Как осуществлялась Ваша дальнейшая связь с германской разведкой?

ОТВЕТ: - Осенью 1935 года, будучи в Москве, я созвонился с ГРАУБМАНОМ и мы встретились у меня в номере в гостинице "Националь".

ВОПРОС: - Расскажите содержание этой встречи.

ОТВЕТ: - Я сообщил ГРАУБМАНУ о нашей антисоветской деятельности и вербовочной работе в ПРИВО, о деятельности ЕГОРОВА и БУДЕННОГО и других участников нашей организации и передал ГРАУБМАНУ некоторые шпионские материалы.

ВОПРОС: - Что Вы передали при этой встрече ГРАУБМАНУ?

ОТВЕТ: - Я сообщил ГРАУБМАНУ данные, которые стали мне известны в результате участия моего в полевой поездке в БВО в Слуцком направлении.

Там имелись шпионские данные о состоянии дорог в этом направлении, узлов связи, мостов, полевых аэродромов и посадочных площадок, об отсутствии на данном направлении укрепрайонов.

Я указал в этом материале, что Слуцкое направление, наряду с Мозырским направлением, представляет собой "открытые ворота" на стыке Украинского и Белорусского фронтов.

147

К этой справке я приложил две схемы: схему Бобруйского узла связи и схему шоссеиных дорог.

В мае 1936 года я, будучи на отдыхе в Барвихе под Москвой, вновь созвонился с Рудольфом ГРАУБМАН и встретился с ним на берегу реки возле Барвихи.

При этой встрече я сообщил ему об оперативной военной игре, происходившей в феврале 1936 года. Я указал численность дивизий Белорусского фронта, отсутствие увязки планов взаимодействия фронтов и намечавшееся по плану выбрасывание незначительных групп вторжения на Виленское и Барановичское направления.

Я подчеркнул в беседе с ним, что намечавшееся по плану вторжение не обеспечено вторыми эшелонами. Я рассказал ГРАУБМАНУ, что танковые и механизированные части имеют колесные тылы, что снижает их маневренность, что достаточной подготовки тыла не имеется, а главные силы Красной армии могут быть введены в действие лишь на 8 сутки после отмотблизования.

В том же 1936 году ГРАУБМАН был арестован органами НКВД и моя личная связь с немцами прервалась.

В последующем я систематически информировал ЕГОРОВА по ряду вопросов работы округов, которыми я командовал (ПРИВО и ЛВО), и выполнял его указания по вредительской ди-

версионной работе и, как я выше показываю, я знал, что он сохраняет связь с германским генеральным штабом.

По сути таким образом последние годы моя шпионская работа и связь с немцами продолжалась через ЕГОРОВА.

Точно также и свою дальнейшую организационную деятельность по линии организации правых я продолжал в соответствии с указаниями немецкой разведки и центра правых, переданных мне через ЕГОРОВА.

ВОПРОС: - Расскажите подробно о сделанной Вами организационно-антисоветской работе и связях.

ОТВЕТ: - Прежде чем перейти к показаниям о проведенной непосредственно мной антисоветской работе по организации правых, я хочу рассказать следствию о том, что наша организация не действовала изолированно, а в соответствии с указаниями руководства правых (как об этом рассказал мне ЕГОРОВ еще в Берлине); мы искали и нашли связь с другими антисоветскими организациями в РККА и вне РККА.

ВОПРОС: - Какими?

ОТВЕТ: - Главным образом наши связи шли по линии антисоветских формирований в армии, тем не менее ряд участников военной организации правых были связаны также и с граждан-

скими антисоветскими кругами.

Так, например, я в Средней Азии был связан с правыми Файзуллой ХОДЖАЕВЫМ и с ЗЕЛЕНСКИМ, о чем я показываю выше.

Находясь на Волге с конца 1933 года до середины 1937 года, я установил также личную связь с руководителями организации правых на Урале и в Саратове — персонально с КАБАКОВЫМ и КРИНИЦКИМ. О них, как о руководителях областных организаций правых, я знал от Файзуллы ХОДЖАЕВА и поэтому считал возможным идти на связь с ними.

В дальнейшем я при содействии КАБАКОВА и КРИНИЦКОГО осуществлял вредительскую работу в частях округа, подготавливая поражение РККА.

ВОПРОС: — Еще с кем Вы были связаны?

ОТВЕТ: — Я также, как и ЕГОРОВ, был лично связан с БУБНОВЫМ, встречаясь с ним во время своих приездов в Москву на заседания Военного совета.

Содержание наших встреч сводилось к тому, что я с согласия ЕГОРОВА информировал его — БУБНОВА о проводимой мной вербовочной и вредительской работе в САВО и ПРИВО, а он советовал разворачивать работу шире и активнее, особенно напирая на разворот работы в годы после гитлеровского переворота в Германии.

Имел я также одну личную встречу с РЫКОВЫМ.

ВОПРОС: - Где, когда? расскажите об этом.

ОТВЕТ: - В январе 1936 года я, ожидая получения путевки в Барвиху, несколько дней пробыл в доме отдыха Морозовка. В один из этих дней в Морозовку приехали: РЫКОВ, БУХАРИН, ПАХОМОВ (Наркомвод) и мы вместе совершили лыжную вылазку. На обратном пути, примерно около 3-х километров, я шел вместе с РЫКОВЫМ и он подробно расспрашивал меня о положении дел в Приволжском военном округе, в частности, он спросил меня о моих взаимоотношениях с КАБАКОВЫМ.

Я, зная от ЕГОРОВА о его связи с РЫКОВЫМ и осведомленность последнего обо мне, как о правом, решил лично откровенно поговорить с ним.

Я ответил РЫКОВУ, что характер моей связи с КАБАКОВЫМ ему должен быть хорошо известен от ЕГОРОВА. РЫКОВ улыбнулся и ответил: "Что-ж, если хотите поговорить откровенно, давайте разговаривать".

Вслед за этим, он расспросил меня и я его подробно проинформировал о проведенной мною работе по линии правых в ПРИВО. РЫКОВ выслушал меня и заявил: "что-ж, продолжайте действовать, как действовали до сих пор, история это зачет нам, учтите только, что нужно соблюдать сугубую конспи-

рацию, дабы не провалить наше дело и не выявить себя раньше срока.

Затем, уже подходя к дому отдыха, РЫКОВ заявил мне: "Скажите, зачем Вы петушитесь и фрондируете против ТУХАЧЕВСКОГО, Вы ведь знаете от ЕГОРОВА и БУБНОВА об установке нашего центра на привлечение всех живых сил в борьбе против СТАЛИНА. ТУХАЧЕВСКИЙ может быть нам весьма и весьма полезен. Мы не имеем права из-за личных отношений отталкивать и становиться во враждебные отношения к такой реальной силе, как организация ТУХАЧЕВСКОГО".

Я ответил РЫКОВУ, что на сегодняшний день наши враждебные отношения с ТУХАЧЕВСКИМ — это пройденный этап, что ЕГОРОВ, как очевидно известно РЫКОВУ, установил тесный контакт с ТУХАЧЕВСКИМ и что все расхождения между нами сгладились. РЫКОВ улыбнулся и ответил: "Ну, насчет того, что все расхождения сгладились, еще можно потолковать. Учтите, что в борьбе за власть эта группа когданибудь еще будет с нами драться и, идя на союз с ними сегодня, мы должны крепить свои силы, чтобы завтра не остаться у разбитого корыта".

Здесь к нам подошла дочь РЫКОВА и другие лица и наша беседа прервалась.

Больше с РЫКОВЫМ я лично не встречался.

ВОПРОС: — Продолжайте Ваши показания о связях военной

организации правых с другими антисоветскими организациями.

ОТВЕТ: - Чтобы закончить свои показания о связях нашей организации правых в РККА с другими антисоветскими организациями, я должен еще рассказать о связях ЛЕВАНДОВСКОГО, хотя осведомлен о них лишь в общих чертах.

ВОПРОС: - Расскажите, что Вы знаете о связях ЛЕВАНДОВСКОГО?

ОТВЕТ: - ЛЕВАНДОВСКИЙ, как я выше показывал, играл своеобразную роль в нашей организации. Входя в организацию правых и, будучи близким к ее руководству, к нашей тройке (ЕГОРОВ-ДЫБЕНКО-БУДЕННЫЙ), он в то же время был связан с военно-эсеровской организацией, и не только с эсерами.

На Кавказе он сплотил вокруг себя все подпольные военные организации: эсеров, правых, троцкистов, офицеров и националистов. Это дало ему возможность через соответствующие организации на Кавказе связаться с их руководством в гражданских кругах.

В частности, как он рассказывал лично мне, при встрече в 1934 году в Москве у меня в номере гостиницы "Националь" ему удалось установить связи с руководством грузинской националистической организации - в лице второго секретаря ЦК Грузии ОГНЕАШВИЛИ, с ХАДЖАЯНОМ - секретарем ЦК Армении и

КАРАЕВЫМ - в Азербайджане.

Таким образом мы, учитывая наши силы, исходили из того, что Кавказ целиком находится в наших руках и это увеличивало ценность ЛЕВАНДОВСКОГО для нашей организации правых.

Из военных, участников антисоветского подполья, мне от ЛЕВАНДОВСКОГО было известно, что он связан по эсеровской работе с ВЕЛИКАНОВЫМ, САВИЦКИМ, ГРЯЗНОВЫМ и из участников нашей организации правых, кроме меня и ЕГОРОВА, также с командиром ЕФРЕМОВЫМ и командиром СКВО - КАШИРИНЫМ.

ВОПРОС: - Вы говорили выше, что имели специальное задание германской разведки связаться с фашистской организацией в республике Немцев Поволжья, в частности с помполитом XII-го стрелкового корпуса ЦЛАУ. Связались Вы с ним?

ОТВЕТ: - В 1934 году я связался с помполитом XIII-го (впоследствии) XII-го корпуса - ЦЛАУ, а через него с секретарем партийной организации в республике Немцев Поволжья - ФРЕШЕРОМ.

Я связался с ФРЕШЕРОМ, как с участником и руководителем фашистской организации в республике Немцев Поволжья.

ЦЛАУ, как он мне лично рассказывал в 1935 году, являлся не только германским агентом, но входил также в латышскую

националистическую организацию, которая была связана с немецкой разведкой, и контактировал свою антисоветскую деятельность с немецкими фашистскими организациями.

ВОПРОС: - Расскажите сначала подробно, что Вам известно о немецкой фашистской организации республики Немцев Поволжья.

ОТВЕТ: - От ФРЕШЕРА, и еще ранее от генерала ЕЮЛЬМАНА, я знал, что в республике Немцев Поволжья примерно с 1927 года начала разворачиваться националистическая работа специальными эмиссарами, присланными из Германии.

После гитлеровского переворота, рассказывал мне ФРЕШЕР, он и другие немцы (фамилий которых он мне не назвал) сплотили в подпольную организацию большое количество националистов.

Существовавшие немецкие национальце части являлись базой для подготовки ими вооруженных отрядов, которые должны были способствовать, в случае войны, поражению РККА, выступлению против Красной армии на стороне Германии.

Одновременно в кадрах этой организации имелись диверсанты, которые готовились к совершению диверсионных актов на объектах оборонного значения в тылу Красной армии.

Фамилий гражданских участников фашистской немецкой

организации я не знаю, однако мне известны некоторые военные участники этой организации.

ВОПРОС: - Кто именно?

ОТВЕТ: - Еще в Средне-Азиатском военном округе мною был завербован немец ГРОСБЕРГ (комдив), которого мне удалось перевести вслед за собой из САВО в ПРИВО и он командовал XI-й кавдивизией, расположенной в Оренбурге.

Несмотря на то, что ГРОСБЕРГ был территориально отделен от республики Немцев Поволжья, он сохранял связи с фашистской немецкой организацией и являлся одним из ее руководителей, как об этом он сам мне лично рассказывал.

В числе своих связей ГРОСБЕРГ назвал мне командира полка БЕРГА, который был мною затем выдвинут начальником снабжения XII-го корпуса, и ПАЛЛО, сменившего БЕРГА на командовании немецким полком.

Кроме этих лиц с немецкой фашистской организацией был связан командир дивизии ПРИВО - БАРОНОВ - бывший офицер, по национальности русский. БАРОНОВ являлся немецким агентом, как он сам мне в этом сознался, и имел специальное задание содействовать немецкой фашистской организации. Я также имел такое же задание, переданное мне еще в 1934 году Рудольфом ГРАУБМАНОМ, при приезде его ко мне в Куйбышев.

ВОПРОС: - В чем заключалась Ваша поддержка немецкой фашистской организации?

ОТВЕТ: - Помимо того, что я давал им полную возможность довольно открыто работать и разворачивать фашистскую работу в немецких частях, я по договоренности с ФРЕШЕРОМ поставил вопрос перед Наркоматом Обороны о перенесении дислоцирования немецкой дивизии в республике Немцев Поволжья и о переформировании некоторых частей в чисто немецкие.

Это давало возможность, путем соответствующего подбора кадров, усилить в этих частях фашистскую работу, сделав их крепкой вооруженной силой для фашистской организации. Частично это мне удалось.

Кроме того я при помощи ЕГОРОВА добивался того, чтобы немецкая дивизия была бы укомплектована исключительно немцами и осталась приписана по мобилизации к западному театру войны, однако в данном случае мой план сорвался.

ВОПРОС: - Кто Вам известен из членов латышской националистической организации?

ОТВЕТ: - Я лично был связан только с ПЛАУ. Он мне, не называя фамилий участников латышской организации, говорил о том, что ею охватываются довольно широкие слои латышей эмигрантов из Латвии в СССР, осевших с периода гражданской

войны. Он говорил, что эта организация имеет в своем руководстве ряд лиц, занимающих крупное положение в РККА и в государственном аппарате, и что латыши, несмотря на свою относительную малочисленность, являются серьезной силой, которая, как выразился ПЛАУ, во время войны покажет себя в деле поражения РККА.

ПЛАУ назвал мне лишь из числа руководителей этой организации БЕРЗИНА — начальника Разведупра РККА и ЭЙДЕМАНА — председателя Центрального совета Осоавиахима.

ВОПРОС: — Еще с какими антисоветскими организациями Вы блокировались?

ОТВЕТ: — Как я уже сказал выше, исходя из установок центра правых, в частности РЫКОВА, наша организация правых в армии установила блок с антисоветским военным заговором в лице одного из руководителей этого заговора — ТУХАЧЕВСКОГО.

ВОПРОС: — Как произошло установление блока Вашей организации с антисоветским военным заговором?

ОТВЕТ: — Как я уже говорил, ЕГОРОВ имел прямое указание от РЫКОВА — установить контакт по антисоветской работе с военным заговором, в частности с ТУХАЧЕВСКИМ.

Как говорил мне ЕГОРОВ, РЫКОВ через какие-то свои пути

связи воздействовал и на ТУХАЧЕВСКОГО в этом направлении и с конца 1934 года начинается сближение нашей организации правых в армии - ЕГОРОВ и военного заговора - ТУХАЧЕВСКИЙ.

Об окончательном установлении блока с военным заговором я от ЕГОРОВА узнал в 1935 году, во время своего приезда в Москву, а в 1936 году я и лично в этом убедился.

ВОПРОС: - Каким образом?

ОТВЕТ: - В 1936 году, возвращаясь из дома отдыха "Сосны" к себе в ПРИВО, я за пару часов до отхода поезда заехал на квартиру к ЕГОРОВУ и застал у него ТУХАЧЕВСКОГО. Оба они были подвыпивши, неоднократно подымали друг за друга тосты, целовались, расхваливали друг друга и снова целовались.

ТУХАЧЕВСКИЙ, обращаясь ко мне, заявил: "ты, ДЫБЕНКО, сволочь, но мы работаем на одно общее дело, значит выпьем за дружбу боевых друзей".

ЕГОРОВ, обращаясь ко мне, сказал: "ты, Павел, не обижайся и не стесняйся, Миша свой человек, мы вместе будем драться против СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА, соблюдая внешнюю фронтду между собой, т.е., попросту говоря, пока будем идти врозь, а бить будем вместе".

ТУХАЧЕВСКИЙ поддерживал ЕГОРОВА и воскликнул "дело у нас общее - надо свалить нынешних хозяев страны. Только имейте в виду, что если Вы обманете и за спиной будете ве-

сти свою политику — будем крепко ссориться и еще вопрос, кто окажется сильнее!".

ЕГОРОВ вновь начал распинаться в заверениях своих симпатий к ТУХАЧЕВСКОМУ, заявив, что "дружба наша с ним все-рьез, что вопрос о подвохе исключен"; так как я торопился на поезд, я уехал, а они остались еще вдвоем на квартире ЕГОРОВА.

Более подробно меня проинформировал о блоке с руководством антисоветского военного заговора ЕГОРОВ в конце 1936 года.

ВОПРОС: — Расскажите об этом.

ОТВЕТ: — ЕГОРОВ рассказал мне, что в соответствии с указанием центра правых и учетом сил ТУХАЧЕВСКОГО он пошел на сближение с ним. В 1935 году он, ЕГОРОВ, специально зашел в кабинет к ТУХАЧЕВСКОМУ и когда поставил перед последним вопрос, "будем ли мириться", ТУХАЧЕВСКИЙ отнесся к этому предложению ЕГОРОВА весьма положительно, так как еще до этой встречи он сам много раз добивался у ЕГОРОВА прекращения борьбы против него и создания контакта в совместной антисоветской деятельности.

ТУХАЧЕВСКИЙ знал от ЕГОРОВА о том, что в руководство нашей организации правых кроме ЕГОРОВА вхожу также я — ДЫБЕНКО, БУДЕННЫЙ и близок к нашему руководству ЛЕВАНДОВСКИЙ.

ЕГОРОВ, смеясь, говорил мне, что он даже несколько прихвастнул и преувеличил силы нашей организации для того, чтобы создать для себя больший авторитет у ТУХАЧЕВСКОГО.

Мне ЕГОРОВ передал, что ТУХАЧЕВСКИЙ его в свою очередь проинформировал о составе и деятельности антисоветского военного заговора.

Об этом я знал не только от ЕГОРОВА, так как этот вопрос являлся еще предметом обсуждения при встрече руководства нашей организации и руководства военного заговора; совещание это состоялось в конце 1936 года на квартире ЕГОРОВА.

ВОПРОС: - Что за совещание, расскажите о нем.

ОТВЕТ: - В конце 1936 года на квартире ЕГОРОВА в Москве был организован банкет, на котором присутствовала большая группа лиц из высшего комсостава РККА.

К концу банкета ЕГОРОВ пригласил в отдельную комнату меня, ТУХАЧЕВСКОГО, ОРЛОВА, УБОРЕВИЧА, ЕФИМОВА и ЛЕВАНДОВСКОГО, где мы обменялись мнениями о перспективах нашей дальнейшей совместной антисоветской работы.

Речь шла о том, что мы должны низовые наши организации слить воедино и что в выработке и в будущем осуществлении оперативного пораженческого плана надо координировать наши действия.

ТУХАЧЕВСКИЙ, обращаясь ко мне, говорил: "главное даже не в составлении пораженческого плана, а в том, чтобы мы - будущие командующие фронтами и армиями провели войну так, чтобы обеспечить поражение РККА". Он говорил при этом: "помните, что единственно в этом наше спасение и перспективы на приход к власти в стране, так как иначе может прийти момент, когда и до нас могут добраться".

Он говорил о необходимости усиления взаимодействия между нашей организацией и военным заговором.

Далее ТУХАЧЕВСКИЙ сообщил, что в руководство антисоветского военного заговора входят: УБОРЕВИЧ, ЯКИР, ГАМАРНИК, что эти лица возглавляют собой большую военную антисоветскую организацию, имеющую свои филиалы во всех округах и в большинстве частей РККА.

Эта организация, как подчеркнул ТУХАЧЕВСКИЙ, представляет собой блок офицерских и троцкистских сил в армии.

ТУХАЧЕВСКИЙ, а еще более подробно ЕФИМОВ, говорили, что военный заговор связан многочисленными нитями с целым рядом других контрреволюционных формирований в Красной армии, в том числе с эсеровским подпольем, возглавлявшимся им - ЕФИМОВЫМ, БЕЛОВЫМ и ВЕЛИКАНОВЫМ.

ТУХАЧЕВСКИЙ затем сообщил, что заговор имеет нити и связи с буржуазными националистическими формированиями в Белоруссии, на Кавказе и Средней Азии, а также через ЯКИРА-

на Украине.

Таким образом это наше короткое совещание носило характер взаимной информации и сближения нашей организации с военным заговором.

В связи с установлением блока между нашей организацией и антисоветским военным заговором, все мы прекратили борьбу против группы ТУХАЧЕВСКОГО, хотя для маскировки и конспирации мы продолжали иногда внешне фрондировать против них.

Несмотря на наше сближение с заговорщиками, я, ЕГОРОВ и БУДЕННЫЙ договорились, что, несмотря на существующий блок с антисоветским военным заговором, — мы будем продолжать быть самостоятельной организацией.

Мы исходили из того, что нам необходимо занимать особое положение в антисоветском подпольи, не теряя своей самостоятельности. Мы учитывали при этом, что со временем мы можем столкнуться с сегодняшними нашими союзниками — людьми ТУХАЧЕВСКОГО. Эта наша тактика была одобрена и указана центром правых — РЫКОВЫМ и БУБНОВЫМ.

ВОПРОС: — БУДЕННЫЙ присутствовал на этом совещании руководства военной организации правых и руководства заговора на квартире ЕГОРОВА?

ОТВЕТ: — Нет, не присутствовал.

ВОПРОС: — Почему?

ОТВЕТ: - Я не помню причин, почему он не присутствовал в это время, но его тогда, насколько помню, вообще не было на банкете.

ВОПРОС: - А Вы его информировали о блоке с ТУХАЧЕВСКИМ и о совещании с руководителями антисоветского военного заговора?

ОТВЕТ: - Мне ЕГОРОВ рассказал, что он поделился с БУДЕННЫМ об этой встрече на его, ЕГОРОВА, квартире с руководством антисоветского военного заговора и указал на необходимость установления им - БУДЕННЫМ нормальных отношений с ТУХАЧЕВСКИМ, как с союзником в борьбе против СТАЛИНА и ВОРОШИЛОВА.

ЕГОРОВ, как он рассказывал мне, говорил БУДЕННОМУ, что это ни в коей мере не означает лишения самостоятельности нашей организации и ее особого положения в антисоветском подполье.

ВОПРОС: - Что за особое положение?

ОТВЕТ: - Я уже частично выше показывал, что мы - руководители военной организации правых для своего продвижения по должности и для обеспечения возможности разворота антисоветской работы использовали и играли на доверии к нам со стороны партии и правительства.

ЕГОРОВ мне говорил, что в беседе с ТУХАЧЕВСКИМ он прямо поставил перед ним вопрос, что мы не можем идти на полный альянс с ними для внешнего мира, так как это может подорвать наше положение.

Мне же ЕГОРОВ говорил с гордостью: "смотри, Павел, нам удалось, благодаря нашей тактике, не входя по существу в заговор, очутиться в центре всех антисоветских групп и формирований в Красной армии".

ЕГОРОВ подчеркнул мне, что для наших целей мы имеем возможность использовать силы организации ТУХАЧЕВСКОГО, ЯКИРА и ГАМАРНИКА; эсеров — во главе с БЕЛОВЫМ, ЕФИМОВЫМ и БЕЛИКАНОВЫМ; немецкие антисоветские формирования, латышские организации, националистическо-буржуазные организации в различных республиках и т.д..

В то же время, благодаря нашей тактике внешней борьбы с этими группами, легальной близости к руководству партии, — сохранять свое положение и укрепиться в руководстве Красной армии.

Когда я заметил ЕГОРОВУ "как бы мы на этом деле не прогадали, так как в конце концов при перевороте вопрос о власти будет решаться соотношением сил", ЕГОРОВ ответил мне, что я, конечно, прав, однако связи наши в стране и поддержка немцев не дадут возможности другим организациям сбросить нас со счетов. Кроме того ЕГОРОВ, а еще чаще подчерки-

вал БУДЕННЫЙ, что мы, т.е. наш "триумвират", имеем достаточно крупные кадры правых в РККА и в СССР, имеем большее влияние, нежели этот помещик, офицер ТУХАЧЕВСКИЙ с мечтами Бонапарта. Мы, говорил ЕГОРОВ, а за ним и БУДЕННЫЙ, являемся представителями демократических слоев: я - ЕГОРОВ из разночинного офицерства с эсеровским прошлым; ты - представитель революционных матросов, а Сеня БУДЕННЫЙ - представитель крестьянских масс и казачества и по сути мы более популярные люди в стране, нежели группа ТУХАЧЕВСКОГО.

ВОПРОС: - Кто входил в состав Вашей антисоветской организации правых в РККА?

ОТВЕТ: - Мне известно со слов ЕГОРОВА, что им лично были завербованы в организацию правых ЛЕВАНДОВСКИЙ (который и лично мне подтвердил это), затем ВЕЛИКАНОВ, КАПИРИН и командир ГРИБОВ. Это - все люди, которые связывали нашу организацию со своими линиями связи. Они возглавляли антисоветские организации на местах, имея также свои связи с эсерами, националистами и антисоветским военным заговором. Их мы рассчитывали использовать в наших планах захвата власти.

БУДЕННЫЙ занимал в нашей организации несколько отличную роль, нежели ЕГОРОВ или я.

БУДЕННЫЙ, используя свое положение инспектора кавалерии, бывшего командарма 1-ой конной и связи среди конников,

имел специальную линию связи среди конников и партизан.

ВОПРОС: - Кто Вам известен из завербованных им лиц?

ОТВЕТ: - Я знаю от БУДЕННОГО, что он завербовал следующих лиц:

- 1) СЕРДИЧА - комкора 3 кавалерийского корпуса;
- 2) ЗОТОВА - пом. инспектора кавалерии РККА;
- 3) КОСОГОВА - комкора в СКВО (о нем мне также говорил и КАШИРИН);
- 4) ФЕДОРЕНКО - пом. инспектора кавалерии РККА;
- 5) ХАЦКЕЛЕВИЧА - начальника кавалерийской школы;
- 6) ГОРЯЧЕВА - комкора 6 кавалерийского корпуса;
- 7) ТОЧЕНОВА - комдива кавалерии.

ВОПРОС: - А Вами кто был завербован? Назовите Ваши личные связи по линии организации правых в РККА.

ОТВЕТ: - Я был связан, главным образом, с участниками антисоветской организации правых, которыми я руководил в САВО и ПРИВО, т.е. в округах, которыми я командовал по несколько лет.

ВОПРОС: - Назовите участников антисоветской военной организации правых в САВО.

ОТВЕТ: - В Средне-Азиатском военном округе в состав

нашей организации входили следующие лица:

1) МАЛЫШЕВ - бывший начальник Средне-Азиатской школы им.Ленина, ныне начальник штаба САВО, бывший офицер генерального штаба, завербован мною в 1931 году;

2) ПЕТРОВ Иван Ефимович - бывший прапорщик, скрывал свое офицерское звание, начальник Средне-Азиатской школы им.Ленина, завербован мною в 1931 году;

3) СОКОЛОВ Александр Михайлович - знаю с 1926 года по Артиллерийскому управлению, бывший пом.комвойсками по материальному обеспечению САВО, переведен в 1934 или 1935 году пом.комвойсками Северо-Кавказского военного округа по материальному обеспечению. Завербован мною в 1932 году;

4) СОКОЛОВ - имя, отчество не помню, прокурор Средне-Азиатского военного округа, как будто бы уволенный из армии в октябре 1937 года; знаю со слов БАУЗЕРА;

5) ТИМЕРМАН Александр (точно имя, отчество не помню), начальник военных сообщений САВО, переведенный в 1935 году начальником ВОСО ПРИВО и в 1936 году назначен командиром железнодорожного полка в ПРИВО (Сызрань), завербован мною в 1931 году;

6) ДУКЕЛЬСКИЙ - начальник 1-го отдела штаба САВО, сын попа, завербован мною в 1932 году;

7) РОГОВСКИЙ - бывший артиллерийский офицер, для особых поручений при комвойсками. Беспартийный, завербован

мною в 1931 году;

8) ПОЧТЕР - начальник разведывательного отдела, при-
был в САВО из 3-го конного корпуса, в последнее время учил-
ся в академии Генерального штаба, завербован мною в 1933
году;

9) ЖИЛЬЦОВ Александр (отчество не помню), зам. началь-
ника ПУОКР'а, впоследствии помощник командующего БВО у
УБОРЕВИЧА, был весьма близок к нему, ныне начальник Про-
доловственного управления РККА, был завербован Файзуллою
ХОДЖАЕВЫМ;

10) БАУЗЕР - зам. начальника ПУОКР'а САВО, был рекомен-
дован ЖИЛЬЦОВЫМ при его назначении, как правый;

11) ЖЕНКОЛЯ - начальник артиллерии САВО, сын генерала,
личный друг ТУХАЧЕВСКОГО. С его слов и со слов ДУКЕЛЬСКОГО,
мне было известно, что он участник военного заговора и свя-
зан с ТИМЕРМАНОМ;

12) ГОРБАТОВ - командир Туркменской кавдивизии, в 1934
году переведенный командиром кавалерийской дивизии в Укра-
инский военный округ, завербован мною в 1933 году;

13) ШАНКИН - комдив 7 кавалерийской, бывший белый,
перешел на сторону красных при взятии Новочеркасска, из
САВО был в 1934 или 1935 году переведен комдивом на Даль-
ний Восток, завербован мною в 1931 году;

14) ФРЕДИН - бывший военком 7 дивизии, знаю со слов ЖИЛЬЦОВА и БАУЗЕРА;

15) ГРОСБЕРГ - немец, бывший офицер, бывший начальник штаба в Узбекской дивизии, в 1935 году назначен комдивом 11 кавалерийской в ПРИВО, в 1936 году вместе с дивизией переброшен в БВО, завербован мною в 1931 году;

16) ГЛАВАЦКИЙ - зам.начальника подива 6 Узбекской, завербован в 1932 году, в 1935 году переведен в ПУОКР ПРИВО, сын попа, знаю со слов БАУЗЕРА, как правого;

17) МИР-ПАРАПОВ - комдив 6 Узбекской, знал со слов Файзуллы ХОДЖАЕВА;

18) ТОМАШЕВИЧ (имя, отчество не помню), бывший комдив 2-ой горно-стрелковой, впоследствии комкор ВУЗ'ов в Москве, завербован мною в 1932 году;

19) МУРАВЬЕВ - знал о его вербовке со слов БАУЗЕРА, бывший начподив Туркменской кавалерийской дивизии, ныне начальник Пубалт;

20) НИКОЛАЕВ Иван (отчество не помню); бывший начальник штаба 1-ой горно-стрелковой дивизии, ныне начальник штаба 19 стрелкового корпуса ЛВО, завербован мною в 1935 году;

21) БЕКЖАНОВ - командир Казахского кавалерийского полка, где теперь не знаю, завербован мною в 1932 году;

22) СОКОЛОВ - комполка 1-ой горно-стрелковой дивизии, офицер, сын попа, знаю со слов ПЕТРОВА;

23) БАЙДАЛИНОВ - начальник отдела боевой подготовки САВО, бывший петлюровский офицер, завербован мною;

24) БАЦКЕЛЕВИЧ - командир полка 8 дивизии. Знаю со слов ДУКЕЛЬСКОГО;

25) СЕМЕНОВ (имя, отчество не знаю), начподив 7 кавалерийской дивизии. Знаю со слов БАУЗЕРА;

26) ВАШКЕВИЧ - бывший начальник штаба 7 кавалерийской дивизии, впоследствии комдив 30 кавдивизии в Ленинграде. В 1937 году переведен в БВО начальником штаба корпуса. Знаю со слов ШАПКИНА;

27) МУТОВКИН - начальник строительного отдела САВО. Знаю со слов БАУЗЕРА;

28) БЕВРИС - комполка 4-ой Туркестанской дивизии, впоследствии преподаватель академии им. Фрунзе, потом начальник штаба 1-ой горно-стрелковой дивизии. Знаю со слов ТАМАШЕВИЧА;

29) ЗАГОРАДНОК - начальник обозно-продовольственного отдела САВО. Знаю со слов СОКОЛОВА - бывшего помощника по материальному обеспечению;

30) МЕЛЬКУМОВ - бывший комдив Туркменской кавалерийской, впоследствии помощник комвойсками САВО по материальному обеспечению. Знаю со слов Файзуллы ХОДЖАЕВА.

Вот тот состав антисоветского военного подполья в САВО, который я знал и запомнил.

ВОПРОС: - Расскажите о составе Вашей антисоветской организации в ПРИВО.

ОТВЕТ: - По Приволжскому военному округу в состав нашей организации входили следующие командиры:

- 1) ЕФРЕМОВ Михаил Григорьевич - комдив, командир корпуса, ныне комвойсками Забайкальского военного округа. Завербован мною в 1934 году;
- 2) ЗАФРАН - начальник финансового отдела ПРИВО, завербован мною в 1934 году;
- 3) ВАРФОЛОМЕЕВ - начальник штаба ПРИВО. Завербован ЕФРЕМОВЫМ в 1935 году;
- 4) ГАГИН - начальник обозно-вещевого отдела ПРИВО, завербован в 1935 году. Знаю со слов ЕФРЕМОВА;
- 5) ЧЕКИН - начальник инженеров, завербован мною в 1935 году;
- 6) БЕЛОВ - начальник артиллерии, завербован мною в 1935 году;
- 7) МОРГУНОВ - начальник автобронетанковых войск ПРИВО, завербован мною в 1935 году; ныне начальник бронетанковых курсов в Ленинграде;
- 8) ТИМЕРМАН - переведен из САВО в ПРИВО в связи с моим переходом в ПРИВО;
- 9) ДАНИЛЮК - помкомдив 1-ой Казанской, был связан с участником антисоветского военного заговора БЛУАШВИЛИ (зам.

начальника ПУОКР'а ПРИВО);

10) МИКУЦКИЙ - помощник по материальному обеспечению, мною завербован в 1935 году;

11) ПАРВАЛЮСОВ - начальник строительного отдела. Знаю со слов МИКУЦКОГО - помощника по материальному обеспечению;

12) СПИЛЬНИЧЕНКО - начальник казанских бронетанковых курсов в Казани, завербован мною в 1936 году;

13) БОЛДИН - бывший комдив 53, ныне комдив 18 в ЛВО, завербован мною в 1934 году;

14) БАРОНОВ - командир 53 дивизии, завербован в 1935 году мною;

15) ГРОСБЕРГ - комдив 11 кавалерийской, переведен из САВО в связи с моим переводом;

16) ЛАРЮШКИН - начподив 11 кавалерийской. Знал со слов БЛУАШВИЛИ и ГРОСБЕРГА;

17) МАРТЫНОВСКИЙ - начальник штаба 12 стрелкового корпуса. Знал со слов ЕФРЕМОВА;

18) ХАЛЮЗИН - комполка 61. Знал со слов ЕФРЕМОВА;

19) ВИКТОРОВ - комполка 61, знал со слов ГОЛИКОВА;

20) ВЕЙС - начальник артиллерии 12 корпуса, знал со слов ЕФРЕМОВА;

21) БЕРГ - комполка 53, знал со слов ЕФРЕМОВА;

22) ПАЛЛО - немец, был вместе с ЕФРЕМОВЫМ в Китае. Знал со слов ЕФРЕМОВА;

23) ГЛАВАЦКИЙ - зав. агитпропотделом ПУОКР'а ПРИВО.
Переведен из САВО;

24) СУББОТИН - комиссар Оренбургской школы. Знал со слов БЛУАШВИЛИ, бывший троцкист;

25) ДРАНЕШНИКОВ - комиссар авиаэскадрильи Оренбургской школы, потом комиссар 70 стрелковой дивизии, ныне в ЛВО, знал со слов БЛУАШВИЛИ;

26) ГОЛИКОВ - командир 61 дивизии, завербован лично мною в 1936 году в ПРИВО, в том же году, был переброшен командиром танковой бригады в КВО. Сейчас член Военного совета БВО;

27) КЛЕНОВ - зам. начальника штаба ПРИВО. Завербован в 1936 году мною;

28) МУРКИН - комиссар Саратовской бронетанковой школы. Знал со слов БЛУАШВИЛИ и ПЛАУ;

29) ПЛАУ - комиссар 12 стрелкового полка. Связался с ним по поручению Германской разведки;

30) КАМНЕВ - комиссар 82 стрелковой дивизии, знал со слов КАБАКОВА;

31) ПОВЕРИНОВ - инструктор ПУОКР'а. Знал со слов БЛУАШВИЛИ;

32) ПАВЛОВ - инструктор ПУОКР'а, бывший комиссар полка. Знал со слов БЛУАШВИЛИ;

33) БИРЮКОВ - начподив 1-ой Казанской. Завербован в

1935 году, знал со слов БЛУАШВИЛИ;

34) МЕЛЕНКО - комполка 70 стрелковой дивизии, ныне в Ленинграде, завербован мною в 1936 году;

При моем переходе в 1937 году в ЛВО, я застал там группу правых, ранее переведенных из ПРИВО, в том числе:

- 1) БОЛДИН - командир 18 стрелковой дивизии;
- 2) НИКОЛАЕВ - начальник штаба 19 стрелкового корпуса;
- 3) ДРАНЕШНИКОВ - комиссар 70 стрелковой дивизии;
- 4) МОРГУНОВ - начальник бронетанковых курсов в Ленинграде;

5) МУРКИН - комиссар бронетанковых курсов в Ленинграде.

Все эти участники организации по моим указаниям через лиц, с которыми мы непосредственно были связаны, осуществляли вредительскую и диверсионную работу в частях РККА, которыми они командовали, и мы рассчитывали на них, как на кадры, которые смогут обеспечить нам практическое осуществление наших пораженческих планов.

Я уже показывал выше, что немцы торопили нас, требовали форсирования вредительской, диверсионной и прочей работы по ослаблению боевой мощи РККА, по недопущению мобилизационной готовности РККА и по подготовке пораженческих планов. Все эти задания германской разведки мы выполняли.

ВОПРОС: - Вы еще не дали показания следствию о деятель-

ности и тактике Вашей организации правых в армии после арестов заговорщиков ТУХАЧЕВСКОГО и других. Вы не показали также о Вашей вредительской и диверсионной работе. Расскажите подробно об этом.

ОТВЕТ: - Я прошу следствие прервать допрос и дать мне возможность обо всем этом изложить дополнительно.

Я обещаю следствию рассказать до конца, ничего не скрывая.

Допрос прерывается.

Протокол записан с моих слов верно, мною прочитан -

Дыбенко.

ДОПРОСИЛИ:

ПОМ.НАЧ. 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД СССР
Майор гос. безопасности - ЯМНИЦКИЙ.

ПОМ НАЧ 1 ОТД-НИЯ 5 ОТДЕЛА ГУГБ
Мл.лейтенант гос.безопасности - КАЗАКЕВИЧ.

В е р н о:

ВРИД СЕКРЕТАРЯ 5 ОТДЕЛА ГУГБ НКВД
Мл.лейтенант гос. безопасности
(АФАНАСЕНКО)

